

УДК 9.903.07

А.А. Клёсов

Академия ДНК-генеалогии, г. Москва, Россия, и г. Ньютон, шт. Массачусетс, США

ДЕТИ БОЯРСКИЕ, ИЛИ ИСТОРИЯ ОДНОГО РУССКОГО РОДА

(О том, как изучение истории Государства Российского приносит сюрпризы с неожиданной стороны)

Опубликовано в электронном журнале «Переформат»
24.12.2013 и 30.03.2017 (<http://pereformat.ru/2013/12/deti-boyarskie/>; <http://pereformat.ru/2017/03/pozdravlenie-klyosov/>).
Печатается с разрешения автора.

Ключевые слова: дети боярские, русские былины, дворяне, конные и пешие ратники, крепостные крестьяне, защитники Отечества

Показано, что дети боярские – это целый огромный пласт русской истории, это многие тысячи защитников земли русской на протяжении многих столетий.

А.А. Klyosov

BOYAR CHILDREN, OR A STORY OF AN OLD RUSSIAN FAMILY

Key words: *Boyar children, Russian bylina's, nobles, horse and foot warriors, serfs, the defenders of the fatherland*

It has been shown that Boyar children are a huge stratum of Russian history, they are many thousands of defenders of the Russian land for centuries.

Клёсов Анатолий Алексеевич - доктор химических наук, профессор, советский и американский биохимик, специалист в области полимерных композиционных материалов, биомедицины, ферментативного катализа, лауреат премии Ленинского комсомола (1978) и Государственной премии СССР по науке и технике (1984), основатель ДНК-генеалогии, профессор биохимии Гарвардского университета, живёт в Ньюtone (шт. Массачусетс, США). E-mail: aklyosov@comcast.net.

Klyosov Anatoliy Alexeyevich - Doctor of chemical sciences, Professor, biological chemist, expert in the field of polymer composite materials, biomedicine, enzymatic catalysis, Professor of Biochemistry of Harvard University, lives in Newton (Massachusetts, USA); e-mail: aklyosov@comcast.net.

Наверное, все мы в детстве, а кто и в отрочестве, читали русские былины. Вот, например, былина «Как Святые горы выпустили из каменных пещер своих русских могучих богатырей». Герои былины – «Илья Муромец, роду христианскова, Добрыня Никитич, боярский сын, Алеша Попович, роду поповскова, Иван Гостинной, купеческий сын, Васька Буслаев от слободнова Новгорода». С происхождением или представительством четырех персонажей более-менее ясно, а вот кто такой Добрыня Никитич? Что за «боярский сын»? Сын боярина?

Про боярина, который был бы отцом Добрыни, былины ничего не говорят, но говорят про его мать: «Жила-была под Киевом вдова Мамелфа Тимофеевна. Был у неё любимый сын — богатырь Добрынюшка. По всему Киеву о Добрыне слава шла: он и статен, и высок, и грамоте обучен, и в бою смел, и на пиру весел. Он и песню сложит,

и на гусях сыграет, и умное слово скажет. Да и нрав Добрыни спокойный, ласковый. Никого он не заругает, никого зря не обидит». И далее: «Надел Добрыня платье дорожное, покрылся высокой шляпой греческой, взял с собой копьё да лук со стрелами, саблю острую да плёточку. Сел на доброго коня, позвал с собой молодого слугу да в путь и отправился». Слуга, стало быть, у Добрыни имелся, так что статуса, или сословия, Добрыня был не простого.

Вот еще былина – «На заставе богатырской»: «Под городом Киевом, в широкой степи Цицарской стояла богатырская застава... И дружинники у них храбрые: Гришка — боярский сын... Три года стоят богатыри на заставе, не пропускают к Киеву ни пешего, ни конного». Опять — что за боярский сын?

Еще былина — «Дюк Степанович». Выдержка: «Приезжает Дюк в Киев прямо в палаты кня-

жеские, крест кладёт по-писаному, поклон ведёт по-учёному. Князя Владимира дома не было — был он в церкви у заутрени. Дюк сел на своего бурушку, приехал в собор Богородицы, стал возле князя Владимира между Бермятой Васильевичем и Чурилой Пленковичем. Князь спрашивает добра молодца: кто он, из какой земли и какого племени? Дюк отвечает: он из города Галича, из богатой земли Волынской, молодой боярский сын Дюк Степанович».

Опять — что за боярский сын? Отец в былинах не упоминается, только матушка, но матушка была не проста: «А Дюкову матушку Добрыня встретил на главной улице, дорогу ей выстлали сукном, а перед ней шли лопатники и метельщики — дорогу расчищали». Не странно ли — дети боярские есть, а отцов-бояр нет?

И Василий Буслаев был сын боярский. Вот как пишет о нем Большая Советская Энциклопедия: «Василий Буслаев, герой двух былин новгородского цикла, созданных в период расцвета торговой и политической жизни Новгорода в 14-15 вв... Боярский сын в ранних вариантах быliny, В.Б. становится со временем выразителем стремлений новгородской вольницы».

Исторический словарь повествует о нем так: «Василий Буслаев — герой русских былин, боярский сын, связавшийся с новгородской вольницей». Ситуацию несколько проясняет Толковый словарь русского языка (под ред. Д.Н. Ушакова): «Боярский сын (истор.) — в Московской Руси: дворянин, за несение государственных обязанностей получавший в пожизненное владение поместье».

На самом деле, дети боярские — это целый огромный пласт русской истории, это многие тысячи защитников земли русской на протяжении многих столетий. По совести, мы должны ставить им памятники и с благодарностью кланяться. Вместо этого — практически полное забвение.

Если выйти на улицу и спросить у первого десятка человек, да и у второго, кто такие дети боярские, кто такие однодворцы, что такое четвертное право, что такое «испомещать», кто такие городовые и полковые дворяне, да и что такое дворяне вообще и как они появились на Руси, то ответа не получить. Причем я говорю, естественно, не про улицу в зарубежье, а про самую, что ни на есть, улицу современной России.

Вот о том, что это такое, как и многое другое, память о чем отказала у «народных масс» с 1917-го и в последующие годы, я и расскажу. А чтобы рассказ не получился отвлеченным, проведу его на примере истории предков Клёсовых, старинного рус-

ского, славянского, Курского рода, тех самых детей боярских. Помимо цитирования таких классиков, как С.М. Соловьев, Н.М. Карамзин и В.О. Ключевский, буду в рассказе использовать материалы старых исследований, доступных в основном только специалистам, таких, как «Историческая летопись Курского дворянства» (составил член Императорского С.-Петербургского Археологического Института А.А. Танков. Издание курского дворянства. Москва 1913; обработал В.Н. Орлов, 2004) (Танков, 2013) и «Четвертное право» (Благовещенский, 1899). Пусть это будет моей скромной помощью по донесению их трудов до современного читателя в такой форме.

Дворяне и дети боярские

Дети боярские – это часть высшего сословия на Руси. Все высшее сословие состояло из бояр, мужей княжих, дворян и детей боярских. Впоследствии первые две группы исчезли, а две последние группы слились, и стали называться дворянами. Произошло это в XVII-XVIII веках.

Само слово дворяне означало, естественно, двор – княжеский, а затем государя. Первые дворяне составляли княжескую дружину. Н.М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» (2009) пишет: «Что прежде называлось *дружиною* Государей, то со времен Андрея Боголюбского уже именуется в летописях *Двором*: Бояре, Отроки и Мечники Княжеские составляли оный. Сии Дворяне, первые в России, были лучшею частию войска. Каждый город имел особенных ратных людей, Пасынков, или Отроков Боярских (названных так для отличия от Княжеских) и Гридней, или простых Мечников, означаемых иногда общим именем воинской дружины. Только в чрезвычайных случаях вооружались простые граждане или сельские жители; но последние обязаны были давать лошадей для конницы».

Дворяне – всегда было понятием военным. Говоря современным языком, дворяне – это офицерство. Точнее, потомственное офицерство. Потомственный высший военно-боевой состав. Служилое военно-дворянское сословие. Здесь есть некоторая тавтология, но это – принятый термин. Как пишет А.А. Танков, ссылаясь на русского историка Н.И. Иванова, «в княжескую дружину принимались лица не только выдававшиеся храбростью и заслугами, но и отличенные породою». Это звучит не очень политкорректно, но тому, кто принимал в дружину, было виднее.

Бояре были самым высшим звеном власти и службы на Руси. Поначалу бояре и дети боярские были самые приближенные к князю люди, костяк его дружины, боевые товарищи, дети и близкие родственники князя. Княжеств, естественно, на всех не хватало, и бояре становились советниками, думцами князя. Их дети и были дети боярские. Поначалу это название имело буквальное значение. И поскольку оно несло определенную и важную сословную посылку, то дети и внуки детей боярских продолжали называться детьми боярскими. Они постепенно составили довольно многочисленную группу и образовали средний и младший военно-служилый контингент в войсках. Это, конечно, не считая низшие категории в войсках, но те к служилым не относились. Говоря опять же современным языком – дети боярские обычно занимали должности от рядовых (правда, в дворянской и поместной коннице) до майоров, в зависимости от боевого опыта и выслуги лет. Полковничьи и генеральские должности занимали князья, стольники, воеводы.

Слово «дворянин» впервые встречается в летописи под 1175 годом, во времена Великого князя Андрея Боголюбского. Понятие «дети боярские» как сословное понятие встречается уже в XIII веке для обозначения части дворян. В Ипатьевской летописи (1281 год) так описывалась поимка Михайлы Глинского, намеревавшегося перейти на сторону поляков – «Михайло Глинский едет один наперед своих дворян за версту, и пойма его князь Михайло Голица, а дети боярские переимали дворян Глинского».

Говоря о времени Великого князя Василия Темного (1425-1462), Н.М. Карамзин пишет: «Все главные чиновники государственные: Бояре *Старшие*, *Большие*, *Путные* (или поместные, коим давались земли, доходы казенные, *путевые* и другие), *Окольничие* или ближние к Государю люди, и Дворяне были истинным сердцем, лучшею, благороднейшею частию войска, и собственно именовались *Двором Великокняжеским*. Второй многочисленный род записных людей воинских называли *Детьми Боярскими*: в них узнаем прежних Боярских Отроков; а Княжеские обратились в Дворян. Всякий древний областной город, имея своих Бояр, имел и Детей Боярских, которые составляли воинскую дружину первых. Купцы и граждане без крайности не вооружались, а земледельцы никогда».

Сначала бояре и дети боярские имели первенствующее значение по отношению к дворянам, как людям, составляющим княжеский двор. В дружине понятия дворян и детей боярских практически сливались, хотя еще в первой половине 16 века дети боярские продолжают составлять высший сравнительно с дворянами класс (Танков, 1913). Но потом, с возвышением понятий государя и его двора, статус дворянина начинает превосходить статус сына боярского. В XVI-XVII вв. оба понятия в отношении воинской службы, во всяком случае, в Курском крае, практически всегда употребляются вместе, как «дворяне и дети боярские», что означало военно-дворянское служилое сословие, в противоположность остальному населению, «мужикам». Как дворяне, так и дети боярские «служили с поместий».

Офицер рейтарского полка (художник А. Ежов).

Рейтарский подпрапорщик из пушопоместных детей боярских с ротным знаменем, 1680 год (рис. О. Федорова из книги А. Малова «Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг.», М., 2006).

Высшим государевым учреждением, которое заведовало службой дворян и детей боярских, был Разрядный приказ. Приказ рассылал на места воеводам Царские грамоты с предписаниями, и принимал отчеты воевод и челобитные дворян и детей боярских с просьбами и жалобами к Государю.

До XVIII века понятия дворяне и дети боярские были синонимом воинов. Как пишет А.А. Танков (1913), выражение «послать вперед дворян и детей боярских» было равносильно выражению – направить лучшие части конных войск. Но это было не все. При устройстве курских городов и крепостей дворяне и дети боярские были еще и военными инженерами и строителями – крестьян-то в тех краях практически не было. Как отмечают историки, они, дворяне и дети боярские, были самым культурным слоем общества, носителями культуры, оказывали нравственное влияние на население и на условия его жизни.

В XVIII веке понятие «дети боярские» для служилых людей исчезает, остается термин «дворяне». Для уходящих в отставку с воинской службы на свое поместье, в особенности для тех, кто не служил во времена 1-й ревизии (1720-е годы, см. ниже), термин «дети боярские», как и «дворяне» часто, особенно у малопоместных, заменяется понятием «однородцы». Более того, ушедшие с воинской службы «на землю» обычно в итоге перетекали в свободные, или вольные крестьяне, которые потом получили официальное название «казенные крестьяне» или «государственные крестьяне», о чем мы потом расскажем. В любом случае, уход с военной службы во многих случаях означал конец дворянства. Некоторые потом возвращались на воинскую службу и получали обратно дворянский титул, но после специального рассмотрения.

В 1566 году Иван Грозный (Иоанн IV Васильевич) определил три разряда служилого сословия. Высший разряд были дворяне – московские, жильцы и городовые. Московские владели землями в Московском уезде, жильцы служили в Москве, но земель в Московском уезде не имели, и городовые служили в других городах. Второй разряд назывался, как и прежде, детьми боярскими. Они пользовались одинаковыми с дворянами правами, но по службе занимали, как правило, меньшие должности. Они могли перейти в первый разряд за воинские заслуги. К третьему разряду относились стрельцы, пушкарники, копейщики, затынщики и прочие служилые люди. Они могли быть из дворян, но не из крестьян и холопов. Из них составлялись воинские подразделения, которые возглавлялись дворянами и детьми боярскими. Первые два разряда служили «по отечеству», то есть наследственно, в чине своих отцов (Ключевский, 1995), как правило, с поместий. Третий разряд служил «по прибору», то есть по набору.

В 1642 вышел указ о запрещении служилым людям поступать в холопство и на солдатскую службу. В 1675 приборным людям было запрещено переходить в дети боярские, что ускорило формирование дворянского сословия.

При сыне Ивана Грозного, Федоре Иоанновиче (1584-1598 гг.), в составе русского войска было 80 тысяч дворянской конницы, и дворянские конные полки составлялись из дворян и детей боярских. Дворяне большие (то есть бояре) получали жалование 70-100 рублей в год, «средние» 40-60, дети боярские 20-30 рублей в год.

В русской истории было мало примеров пожалования статуса детей боярских людям низших сословий и даже холопам, и эти примеры были, как пишут историки, неудачными. Борис Годунов допускал такие пожалования, но они оказались «непрочными», и все эти лица в последующие царствования были возвращены в прежнее свое состояние (Танков, 1913).

Возвращаемся к тому, что дети боярские – говоря современным языком – обычно занимали должности от рядовых до майоров, в зависимости от боевого опыта и выслуги лет. Естественно, они могли переходить на высшие командные должности, но чаще – просто по своему количеству – занимали скорее лейтенантские и капитанские

должности (говоря современным языком). Они были совершенно незаменимой частью войска русского. На южных границах Курщины, у Дикого поля, о чем у нас пойдет речь ниже, они выполняли функции разведчиков, вступали в бой, ведя свои десятки и сотни, организовывали оборону городов и крепостей, были «осадными головами» при штурме крепостей и несли все тяготы воинской службы. За свою службу они получали оклады в виде поместий, земельных наделов, помимо обычного денежного содержания. Это и было «испомещение».

Напомню, что Курск первоначально входил в состав Северской земли, которая лежала на восток от Днепра. Курск был самым большим городом на востоке на Руси. К юго-востоку от границ Курского края начиналось Дикое поле.

Испомещение служилых

Как пишет С.М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» (1959-1966), «легко понять, какое впечатление в стране произвело испомещение военных людей на землях, впечатление, подобное тому, какое произвело испомещение германцев в областях Римской империи: в стране ...явился многочисленный класс людей, пользующихся землею, полновластных хозяев ее во время этого пользования; ...земля явилась предназначенною для испомещения военных людей, помещики явились главными землевладельцами, служилый человек для остального народонаселения стал немислим без поместья, и название *помещик* для землевладельца укоренилось в народе крепко, осталось и тогда, когда поместья исчезли».

Было два основных механизма получения поместий – или обычным порядком, при очередном призыве на воинские сборы, когда указом поименно объявлялось, кто какой надел и какую денежную сумму получает, или по челобитной самого дворянина или сына боярского, или его служилых сыновей, просящих государя за отца.

И вот здесь на сцену выходит мой первый предок Иван Клёсов (рожд. ок. 1580) – первый, конечно, по существующим упоминаниям в архивах – которому в 1639 году по челобитной его сына Кирея (рожд. ок. 1605) указом было выделено 300 четвертей (чет) земли (180 гектаров). Вот как повествует об этом Отказная Книга (РГАДА [7]. С. 159):

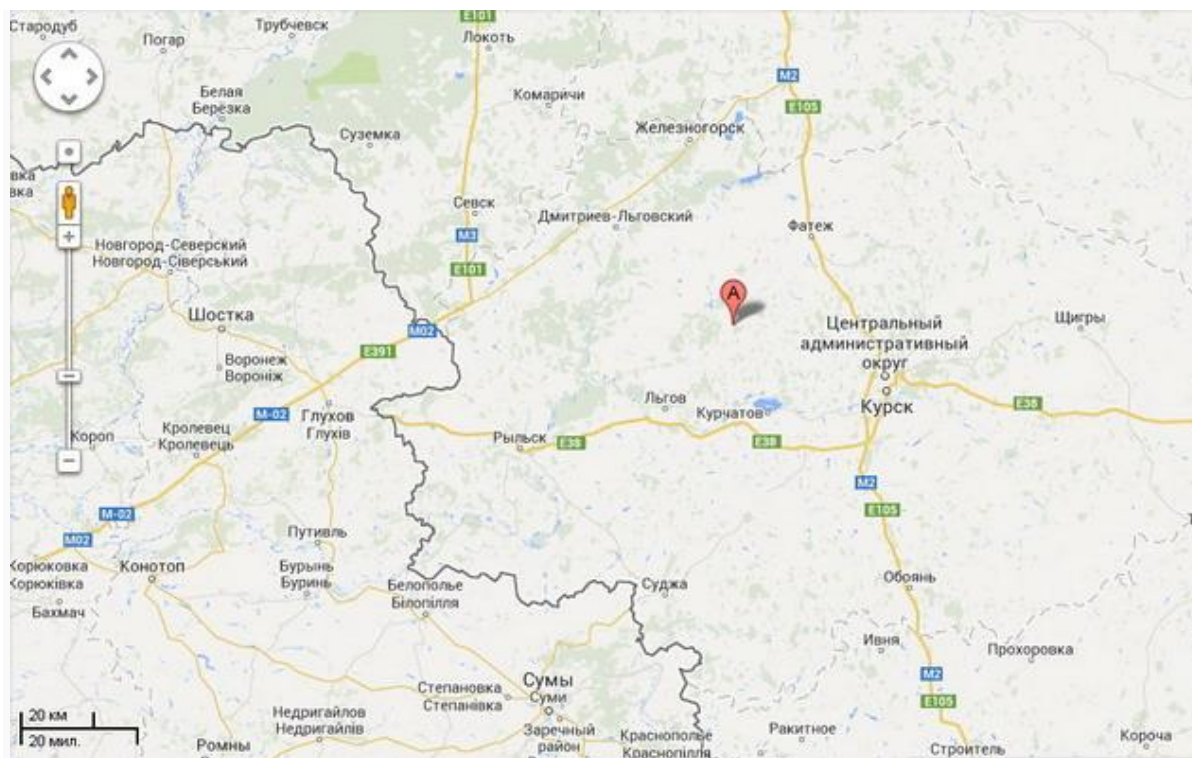
Лета 7147 года (1639 год) апреля в 12 день по государеве цареве и великом князе Михаиле Федоровиче всея Руси грамоте Ивану Клёсову, сыну боярскому рейтарской службы по челобитью курчен кормовых детей боярских Кирея Клёсова, Фрола Евсюкова да Дениса Пыжова да Мина Возжова да Остаха Шипилова и по наказу стольника и воеводы Ивана Васильевича Бутурлина в Курецком стане Курского уезда были отписаны угодья и урочища с устья вверх по Хмелевскому колодезю да от устья ж Хмелевского колодезя вниз по Пруту по правую сторону речке Прута и написано по сыску усадище усть Хмелевского колодезя и дикого поля и дубровы по описи сто чети в поля а в дву по тому ж по государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Руси грамоте и по сыску.

Расшифровывается этот непростой текст по отписным землям с помощью объяснений А.А. Танкова: «местному воеводе предписывалось послать – кого пригоже на место нахождения поместья и произвести сыск окольными и тутошними людьми по поводу справедливости оснований, по которым челобитчик просит записать за ним это поместье, а затем измерить землю поместья... разверстать ее на три поля и определить, сколько четвертей придется в одном из них. Обыкновенно в Курском крае измерялась только некоторая часть земли, в состав ее входила пашня, перелог, дикое поле, дубрава на пашню, пашня, поросшая лесом, и эта часть считалась одним полем. Умножением этой части на три определялась величина поместья». Следует добавить, что «а в дву потому ж» означает, что «в двух остальных полях по стольку же».

Через полсотни с небольшим лет, в «Разборной книге детей боярских по городу Курску и Курскому уезду 1695 года» (ГАКО, ф. 1555, оп. 1, дело № 168, лист 678) впервые упоминается деревня Клёсова. Еще через 15 лет, по ландратской ревизской переписи, деревня Клёсова шла по разделу «Рейтары и однодворцы», в ней было 12 дворов и жили 35 человек (из них семь взрослых мужчин и девять женщин, остальные – дети), у всех фамилия – Клёсовы.

Здесь следует отметить, что фамилии до XV века не встречаются даже у бояр. В конце 15 века фамилии дворян встречаются все чаще. В XVI веке уже практически все дворяне и дети боярские Курского края имеют фамилии, в отличие от более низких сословий, у которых фамилии стали появляться только в XIX веке. То, что в 1639 году у упомянутых выше курчен перечислены фамилии, относит их к довольно высокому сословию. Само понятие «курчане» или «курчене», по А.А. Танкову, указывает на принадлежность к дворянам и детям боярским, «и противопоставляется лицам других чинов и разрядов, низших по отношению к этому понятию». Указ царя Федора Алексеевича 1678 года гласит: «холопей боярских и стрелецких и казачьих и неслужилых никаких чинов отцов, детей и братьев и племянников отнюдь никого детьми боярскими у верстания не называли и поместными и денежными оклады их не верстали».

Деревня Клесово на современных Google-картах

А, собственно, почему «Отказная книга», выписка из которой дана выше? Какой же отказ, когда землю дали? Это и есть отказ. Потому что землю отписали, то есть отказали. В дворянском землевладении 17 века землю отписывали на основании Отказных Грамот. В писцовых книгах так и записывали: владел по Государевой грамоте, или по старым писцовым книгам, по купчей меновой, отказным или отдельным книгам.

Указ царя Алексея Михайловича от 1648 года приводит нормы поместных окладов детей боярских в Курско-Белгородском крае (Танков, 1913):

- Старшие оклады (оклады 1-й и 2-й статьи): 400 и 300 чет (четвертей);
- Средние оклады (оклады 3-й, 4-й и 5-й статьи): 250, 200 и 150 чет;
- Низшие оклады (оклады 7-й и 8-й статьи): 100 и 70 чет.

Поместья давались только служилым людям. По «Уложению» 1649 года Алексея Михайловича людям не дворянского сословия вообще было запрещено владеть землей. В лучшем случае и в виде исключения солдаты испомещались 25 четвертями. Когда у помещика – а именно помещиками были служилые люди, имевшие поместья – сыновья достигали 15-18-летнего возраста, они верстались в государеву службу и сами приобретали право на поместный оклад. При этом они были обязаны по первому требованию являться на военные сборы и оправляться в военные походы с оружием и запасами, и приводить с собой конных и пеших ратников исходя из размера поместья, обычно по вооруженному человеку на коне и в полном доспехе со 100 четвертей земли (указ Ивана Грозного от 20 сентября 1556 года). Продавать данную землю им было нельзя, земля должна была оставаться в роду служилых людей, пока они служат, чтобы «в службе убытка не было, и земля бы из службы не выходила».

Дети состоятельных дворян и детей боярских верстались «в припуск», то есть землей не наделялись, и отбывали службу с отцовского поместья. Дети неимущих дворян верстались «в отвод», то есть с назначением отдельного поместного оклада.

В «Указе об испомещении» 1555 года было сказано: «отцовских поместий не отнимать у сыновей, если они пригодны в службу». Это же подтверждалось «Уложением» 1649 года. Как пишет В.О. Ключевский (1995) в «Курсе русской истории», на принципе «кто служит, тот должен иметь землю» и была построена поместная система. Прямым последствием этой мысли было другое правило: кто владеет землей, тот должен служить. Исключение – монастырские земли.

У современного читателя может сложиться иллюзия, что дворяне и дети боярские были людьми состоятельными, имели поместья с массой крепостных крестьян. Это было в основном не так. В 1670-х годах, например, из 168 дворян и детей боярских из нескольких уездов Курского края, записавшихся на военную службу, 99 вообще не имели и не получили поместий, остальные были испомещены не сполна, «иные вполсилы, а иные в третий и четвертый жребий, а иным дали на усадьбище не помногу» (Танков, 1913). Дворянам и детям боярским было трудно жить и служить. Денежные оклады были не велики, выдавались на войне, как правило, в виде награды за захват языков, за убитых в бою неприятелей, за бои, за раны, за выход из полона. В мирное время оклады были по одному рублю на человека в четыре года.

Вообще поместные «оклады» с их сотнями четей было одно, а фактические «дачи» были часто значительно меньше. Окладную землю себе надо было еще найти и организовать ее измерение и запись по форме, то есть провести юридическое оформление. А земли часто и не было, или она была плоха, или слишком удалена. Поэтому среди провинциального дворянства в то время часто встречались чрезвычайно мелкие помещики, у которых оклады падали ниже предельной меры, назначенной по закону для поставки одного вооруженного конного ратника (100 четей, или 150 десятин в пашне): назначали по 80 и по 40 четей оклада (120 и 60 десятин). Еще скуднее бывали дачи, приближавшиеся уже к крестьянским участкам: встречались помещики с 30, 20, даже с 10 десятинами пахотной земли. Так образовалась значительная масса бедных провинциальных дворян, беспоместных или малопоместных (Ключевский, 1995).

Даже некоторые дворовые дворяне, а их по Курску в 1642 году было всего 19 человек, не имели крестьянских дворов, двое совсем не имели поместий, а один владел поместьем всего в 9 четвертей (Танков, 1913). В то время детей боярских городовых в Курске было 731 человек. Они составляли ядро дворянского сословия. Поместные оклады их были от 70 до 500 чет, но большинство их вовсе не имели крестьянских дворов, и немногие были беспоместными. Как будет говориться ниже, крестьян в Курско-Белгородском крае в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича вообще почти не было. А поскольку такие помещики в своих поместьях не имели крестьянских дворов, жили своими дворами, «одnodворками», то отсюда позже и образо-

валось понятие и сословие однодворцев, о чем речь ещё пойдет, в том числе и в применении к моим предкам.

Вообще, в служилой семье все дети служили: достигнув призывного возраста, сын – на коня, защищать отечество, дочь – под венец, готовить резерв защитников (Ключевский, 1995). Бывали случаи, когда детей увечных отставников оставляли с отцом «на пашню», но привилегий людей служилых у них уже, конечно, не было.

Но вернемся к Ивану Клёсову, сыну боярскому. За какие воинские заслуги и за какую выслугу лет ему, 59-летнему, было царским указом выделено поместье? В архивах это пока обнаружить не удалось, но – обратимся к истории Московского государства и государства Российского в период начала XVII века и до 1639 года.

Смутное время и начало дома Романовых

В 1604 году, когда сыну боярскому Ивану Клёсову было 24 года, в истории России началось Смутное время. Завершал свое семилетнее правление Борис Годунов, который внезапно умер в апреле 1605 года. Конец его царствования был для российского государства катастрофическим. Разорения южных земель татарами, чума, четыре неурожайных года подряд. Наконец, все усиливавшиеся слухи [о чудесном избавлении царевича Дмитрия](#), сына Ивана Грозного, по официальным сведениям погибшего в 1591 году в возрасте 9 лет. Пошли народные волнения с упоминаниями кары Божьей, потому что царствование Бориса незаконно, достигнуто неправдой и добром не кончится.

В октябре 1604 года Димитрий Самозванец (Лжедмитрий I) вошел в пределы Московского государства и направился к Курскому краю. Путивль, верный Борису Годунову, поначалу встретил поляков и казаков Димитрия «огненным боем», но воевода Путивля был повязан своими же, и город в ноябре был сдан. Вскоре был сдан и Курск, но сдан стрельцами (Купчинский, 1906). После смерти Годунова русское войско перешло на сторону Димитрия. В июне 1605 года был убит наследник Бориса Годунова, царевич Федор, в июле Димитрия признала как своего сына вдова Ивана Грозного, она же мать царевича Дмитрия, и в конце того же месяца Димитрий венчался в Москве на царство. Но ненадолго, был убит меньше чем через год, в мае 1606-го. Мать царевича перед этим повинилась, что признала не по правде. Царем стал Василий Шуйский, на четыре года. Городовые дворяне, в том числе курские, на избрании нового царя не присутствовали.

Смутное время продолжалось. Появился Лжедмитрий II, «тушинский вор», пошли бунты против Шуйского, в Тушине в 1608 году образовался параллельный «царский» двор, и было «Московское осадное сидение». Впоследствии за «осадное сидение и неотъезд к Тушинскому вору» дворянам и детям боярским по указу царя Василия Шуйского активно раздавались «в вотчину из поместья со ста четей по двадцати четей». То есть поместья увеличивались на 20 % по территории. Эти грамоты при следующем царе, Михаиле Федоровиче Романове, надо было обменять на новые в поместном приказе после проверки.

Примерно к тому же времени, а именно в «Актах Московского государства» за 1605 год (том 1, стр. 76), относится перечень награжденных Кромских казаков, которые в «Новгородке (Новгород-Северский) сидели в осаде», и среди награжденных – Фролка Клесов: «Да сверх росписи по приговору боярина и воеводы князя... да окольничево и воеводы... дано государева, царева и великаго князя Бориса Федоровича всеа Руси жалованья Кромским казаком: ...Фролку Клесову. Всего девяносто одному человеку, лутчим из них пятидесятником и десятником и раненым трехнадцати человеком по сукну по доброму по четыре аршины сукно, а семидесять осми человеком по сукну по середнему да по два рубля денег человеку».

Тем временем татары, пользуясь политической и военной неразберихой в центре Московского государства, усилили набеги на Белгородско-Курский край. Помимо татар, в сюда вторгалось множество казачьих и прочих «воровских» отрядов, что держало дворян и детей боярских в постоянном напряжении и в боях. В августе 1610 года в городах Курского края была получена из Москвы грамота, в которой говорилось: «Видя междоусобие между православными христианами, польские и литовские люди пришли в землю Московского Государства и многую кровь пролили, церкви и монастыри разорили, святыне поругались и хотят православную веру в латинство превратить; Польский король стоит под Смоленском, гетман Жолкевский – в Можайске, а вор – в Коломенском, литовские люди по ссылке Жолкевским, хотят Государством Московским завладеть, православную веру разорить, а свою латинскую ввести». В грамоте говорилось об уходе Василия Шуйского с царства – «и Государь Государство оставил, съехал на свой старый двор и теперь в чернецах... И вам бы всем всяким людям стоять с нами заодно и быть в соединении, чтобы наша православная вера не разорилась, и матери бы наши, жены и дети в латинской вере не были».

Через четыре месяца Лжедмитрий II был убит. Война с поляками продолжалась, и в 1611-1612 годах князь, стольник и воевода Дмитрий Пожарский и нижегородский гражданин Кузьма Минин формируют в Ярославле народное (земское) ополчение, которое в октябре 1612-го освобождает Москву от поляков и литовцев. По прошествии шести лет вышли «боярские приговоры» о награждении казаков, что сидели в ополчениях 1611-12 гг. под Москвой и в дальнейшем честно служили новому царю, тем, что им предоставлялась возможность по желанию «поверстаться и испоместиться», то есть перейти в дворянское сословие.

Все это смутное время, все девять лет войн, неразберихи и рваного межцарствия, курские дворяне и дети боярские продолжали нести полковую, городовую и сторожевую службу, при всей ее нестабильности и неустройствах. Указ Боярской Думы постановил выйти всем дворянам без исключения на службу 29 мая 1611 года, и у тех, кто не вышел, были отобраны поместья. При этом Указ специально отмечал – «Не отнимать поместий у жен и детей умерших и побитых дворян» (Танков, 1913). Последующим указом 30 июня 1611 года было постановлено – «поместья и вотчины, розданные без земского приговора, отобрать назад и раздать поместные и вотчинные земли беспоместным и разоренным детям боярским». Имелись в виду поместья, разданные по указам Лжедмитрия в Тушине, и польско-русским правительством в Москве, и русским правительством «всей земли» под Москвою, и в польском лагере под Смоленском, и в шведском лагере в Новгороде (Танков, 1913).

В 1613 году на престол всходит Михаил Федорович Романов, в свои неполные 17 лет. Из Курского края на Соборе 1613 года, избравшем государя, была целая делегация из дворян и детей боярских. Все они подписались на Утвержденной грамоте за Курскую землю (Танков, 1913).

Период царствования Михаила, с 1613 по 1645 год, для дворян и детей боярских *курчен* был насыщен военно-боевыми событиями. Это было время упорядочения и устройства государственной жизни, время возрождения России, но и время на юго-западных границах смертельно опасное. Так в чем мог принимать непосредственное участие сын боярский рейтарской службы Иван Клёсов? О рейтарах поговорим чуть позже, а пока – об общей службе дворян и детей боярских.

За год до воцарения Михаила, в 1612 году, польский гетман Жолкевский напал с 70-тысячным войском («поляковъ, запорожцевъ и всякаго сброда») на Курск, по дороге взяв Белгород, Путивль и Орел. Поляки не смогли овладеть городом, и после более чем месячной осады отступили. Вообще картина была до мурашек по коже русская – поляки штурмуют крепостные стены Малого Острога, в котором укрылись немногочисленные защитники, а те ходят «крестным ходомъ вокругъ со спискомъ съ чудотворнаго об-

раза Знаменія Пресвятыя Богородицы Курскія (настоящая икона была въ Москве)». Потом, воодушевившись, открыли ворота и ударили по осаждающим с такой силой, что «Жолкевский после этого приступа решилъ отступить отъ Курска». Потом последовал еще удар осажденных, и «когда после вылазки Жолткевский узналъ размеры потери поляковъ, то онъ въ ту же ночь потихоньку удалился отъ Курска, такъ что, когда утромъ куряне со стены крепости взглянули на вражій станъ, то сразу не поверили своимъ глазамъ: место стана было пустынно и безмолвно» (Купчинский, 1906). В честь этого в городе был основан Знаменский монастырь.

А.А. Танков приводит тексты донесений царю о ратных подвигах дворян и детей боярских Курского края по изгнанию польских и литовских войск. Описано, как в боях «литовских людей побили многих, а иных переранили и во всем их осилили». Донесение продолжает, уже про другую схватку – «и с ними бились *с сильным боем*, и стали те Литовские люди... *три недели и бились с ними по вся дни день и в ночь*, а на четвертой, Государь, неделе марта в 16-й день, прося у Бога милости, ходили они (русские) станом на Литовских людей *на обе стороны* и бились с Литовскими людьми под их станами *день и ночь безпрестанно*... Литовских людей побили многих и переранили и языки и знамена многие у них поимали, и из станом с обеих сбили, и станы их пожгли, и те Литовские люди побежали... А языки, Государь, и переезжие Литовские люди в распросе сказывали, что Литовских людей было в дву таборех тысяч с шесть, да к Литовским же людям пришли на прибавку марта в 16-й ...400 человек, да тово ж числа пришел в Путивль с Ржищева Збаровской, а с ним Литовских людей 700 человек».

Это было, продолжает А.А. Танков (1913), первое радостное известие вновь избранному государю, известие о настроении края и его боевой мощи. И это все помимо практически непрерывных военно-боевых походов на западных и южных рубежах края и страны, походах против поляков, литовцев, татар и черкас (запорожские казаки). В 1616 году дворянская конница в Посемье составляла – в Рыльске 232 человека, в Путивле 274, в Осколе 223, в Белгороде 136, и в Курске 753 человека дворян и детей боярских.

В том же 1616 году литовские войска вторглись в Курский край, и против них был послан отряд в 340 конницы курских детей боярских, вместе с отрядами из Путивля и Чернигова. В 1617 году литовцы опять появились в крае, и из Курска в передовой полк было направлено 380 дворян и детей боярских, и «с огненным боем атаманы и казаки и стрельцы». Литовцы отошли. В 1618 году – следующий набег в Курский край литовцев, и по указу государеву войскам предписывалось, чтобы «бережение держать великое, чтобы Литовские люди и русские воры на них в походе украдом и обманом не напали и какого дурна не учинили». Царский указ к воеводам Курского края в 1620 году предписывал «держатъ дворян и детей боярских о дву конь» на случай прихода крымских татар (Танков, 1913). В итоге польский и литовский королевичи прислали с царю Михаилу послов для заключения мира, который и был заключен – «мирное постановление на 14 лет... с первого декабря нынешнего 127 (1619) года до лета 7141 (1633)» (Танков, 1913).

В наступившее относительно мирное время число дворян и детей боярских в Курске достигло относительно большой величины – в 1625 году 885 человек, в 1629 году 864 человека, в 1631 году – 997 человек, в 1642 году – 1130 человек. Хотя мирное время было только относительное, так как татары мира не заключали и заключать не собирались. В 1616 году ногайские татары пришли под Курск. Отряд, состоящий из детей боярских и казаков, разбил их наголову в 15 верстах от города, и отбил пленных русских мужчин, женщин и детей. В 1622 году был разбит большой отряд татар, вторгнувшийся в Курский край. В 1623 году войско татар из Орловского края пришло в Курский, и им навстречу был послан конный отряд курчан детей боярских численностью в 300 человек, вместе с казаками и 100 человек пехоты с огненным боем. Как пишет А.А.

Танков, «произошла страшная битва, и татары были разбиты совершенно». В 1628 году отряд курчан дворян и детей боярских встретил татар, которые успели захватить много полоняников, в 100 верстах от Курска, и освободил русских пленников. Татары направились к Курску, и здесь ночью, в 10 верстах от города, татары были разбиты и их начальники взяты в плен (Танков, 1913).

В 1632 году литовцы и татары напали на Белгород, татары взяли много пленных, и приблизились к Курску; объединенный отряд детей боярских Курска и Рыльска разбил татар в сражении. Путивляне отбили нападение литовцев. В 1633 году польское войско razорило Белгород и поместья вокруг города. Ободренное успехами, другое польское войско, под командованием гетмана Вишневецкого, направилось на Курск, осадив его и после долгого времени, разорив окрестности, не взяв города, и потеряв много людей убитыми и ранеными, отступило в свои пределы (Танков, 1913). Поляки вторгались в Курский край и в следующем, 1634 году, и осадили Курск. Воевода Петр Григорьевич Ромодановский так описывает это событие: «Апреля в 4-й день пришли под Курск из Комарицкой волости Литовские люди и Запорожские Черкасы... да четыре пушки с ними наряду, а с ними войска 12000 человек и приступили к городу и острогу многими приступы с примёты (горючие вещества) и хотели город (крепость) зажечь, а слободы разграбить. И я... послал на вылазку голов, а с ними Курчан детей боярских и всех ратных людей, и головы с Курчаны на вылазке многих Литовских людей побили и языки поймали 13 человек, языки от ран помирали, а мы слобод около острога жечь не дали. А стояли Литовские люди под Курском апреля с 4-го дня по 16-е число и пошли они от Курска тою же сакмою, что приходили в прошлом году под Курск».

В ответ военные отряды Курского края взяли приступом такие значительные города Польского королевства, как Борзна и Полтава (Танков, 1913). Это вошло в историю как война России с Польшей 1633-1634 гг., мир в которой был заключен 17 мая 1634 года.

В 1641-1642 гг. в Курском крае произошла «измена курских черкас», которые стали уходить в Литву. Из Курска за ними направили военный отряд с посланием, «чтобы они, Черкасы, помня... крестное целование и жалованье, поворотили назад в Курск и вину свою... принесли, а будет они назад не поворотятся и вины своей... не принесут, я велел (писал воевода) головам... Государевым над теми изменниками Черкасами делом промышлять сколько Милосердый Бог помочи подаст». По докладной воеводе, «те изменники Черкасы уговору Русских ратных людей не послушали, в Курск не поворотили и, укрепясь обозом, идут Бакаевым шляхом к Литовской стороне, а с Хотмышскими ратными людьми бьются». И – окончательная докладная – «Военный отряд возвратился... Начальные люди передали воеводе о том, что отряд разбил изменников Черкас, ратные люди побили и переранили их и захватили языков, жен и детей Черкас».

Так что военно-боевая служба дворян и детей шла фактически непрерывно и интенсивно, в период формального мира и реальных войн. В то же время была налажена правильная организация выдачи жалованья, обмундирования (точнее, сукна и кирас – шили сами) и некоторого вооружения дворянам, детям боярским и вообще всем служивым людям. Дворянам и детям боярским были по повелению государя выданы поместные оклады. Среди получивших поместный, земельный оклад в 1639 году был Иван Клёсов.

Дети боярские и рейтары

В «Смотренной Книге Курска 1652 года» в разделе «Дети боярские, городовые» (РГАДА, ф. 210. Книги Белгородского стола, дело № 10, лист 191) указано, что Кирей

Иванов сын Клёсов прибыл на службу на коне с пищалью, и жалован окладом в 300 чети (180 гектаров) и 10 рублев.

Кстати, 10 рублей по тем временам были неплохие деньги. Десятина земли, или примерно гектар, в первой половине XVII века стоила – для дворцовых земель четыре рубля, для поместных земель три рубля с копейками, причем эта цена была практически неизменной от северных уездов Московского государства до южных.

Как видно, Кирей прибыл на очередной воинский призыв отнюдь не мальчиком – было ему 47 лет. Но по тогдашним порядкам дворяне и дети боярские служили всю жизнь в буквальном смысле – до смерти или тяжкого увечья. В отставку они выходили нечасто, как правило, по немощной старости или болезни.

Так что такое «городовые» дворяне и дети боярские? Это те, которые, в отличие от «московских», жили в городах, к которым были приписаны. Этот титул пошел с тех времен, когда с образованием Московского государства дворы прежних удельных князей (то есть состав дружин и придворных) не сливались с двором Великого князя Московского, а оставались в уделах, или уездах. Они были поместными владельцами в местах своего пребывания и службы. Они были военнообязанными и представляли главную воинскую силу. Они были военно-дворянским служилым сословием. И здесь пора перейти к рейтарской службе.

Рейтары – это тяжелая кавалерия. В отличие от драгун, легкой кавалерии, которые для стрельбы спешивались, а потом опять вскакивали на лошадь, рейтары стреляли с коня. Доспехи рейтар иногда были настолько тяжелы, что на коня в поле им уже без труда было не взобраться. Рейтарские уставы были в основном скопированы с западноевропейских (Reiter – по-немецки всадник), и российские рейтары служили обычно в войсках иноземного строя, где служили вместе с иностранными инструкторами. Само слово рейтары ушло вместе с эпохой Петра Первого, как ушли понятия «Рейтарский приказ» (1651- 1680 гг.), за ним «Иноземный приказ» (до 1701 г.) и «Приказ военных дел», который стал Военной коллегией в 1717 году.

Русские кавалеристы второй половины XVII в. Драгун (на переднем плане) и рейтар.

Разные виды войск с иноземными названиями, в том числе рейтарские полки, были введены с начала 17-го века, с царствования Бориса Годунова, и особенно при царе Михаиле, когда стала окончательно ясна несостоятельность русского военного строя (Соловьев, 1959–1966). В рейтарские полки набирали городских дворян, дворянских детей недорослей, детей боярских и прочих вольных людей, но непременно со своими лошадьми. Для набора в рейтары надо было приезжать «конны и оружны». Новому воинскому строю учили их иноземцы, или свои стольники и дворяне, которые уже учились.

Но поскольку многих дворян и детей боярских повыбили во время тяжелых и продолжительных войн царствования Алексей Михайловича, то набор в армию стал жестким. Вот как описывает это С.М. Соловьев: «в 1653 году поскакали по городам посланцы государевы; приедет в город, собирает дворян и детей боярских на съезжий двор, говорит им государево милостивое слово и их тем обнадеживает, чтоб дети их, братья и племянники, которые не в службе и поместьями не наделены, писались в солдатский строй, будет им непременно государское жалованье и милость, велит государь их написать по московскому и по жилецкому списку, будет им и корм, и денег дадут на платье; а если в солдатский строй писаться не станут, то вперед им служилыми людьми не называться и в государевой службе отнюдь не бывать, а быть в землепашцах». Это, правда, не о рейтарах, хотя и там призыв был жестким, о чем упомянем ниже.

А насколько повыбили, говорят следующие цифры. Если в 1631 году дворян и детей боярских в Курске было 997 человек и в 1642 году 1130 человек, то в 1672 году, за четыре года до окончания царствования Алексея Михайловича, детей боярских в Курске было 614 человек, из них 175 – полковой службы, и 439 – службы городской (Благовещенский, 1899).

Возвращаемся к Клёсовым в то военное время.

Военно-боевая служба дворян и детей боярских

В столбцах Белгородского стола «Сказки курчан о службе 1675 года» (РГАДА, ф. 210, Столбцы Белгородского стола, дело № 732, лист 40) отмечено, что Сергей Киреев сын Клёсов (рожд. ок. 1630), то есть внук Ивана, в докладе думному дворянину Семену Ивановичу Заборянскому сообщил, что служит Государеву службу в полку в сотенную с городом, имеет оклад 250 чет и денег 11 рублей, и земной дачи поместье в 35 чет, крестьян и дворовых и задворных людей не имеет, и в прошлом 182 году (1674 г.) и нынешнем 183 году (1675 г.) в полку князя Григория Григорьевича Рамодановского с товарищи был в походе в малороссийских городах.

То, что сын боярский Сергей Клёсов не имел крепостных крестьян – вовсе не удивительно, поскольку в те времена, в XVII веке, крестьян в Курском крае было очень мало. Все население состояло в основном из служилых людей. Это были фактически военные гарнизоны. У крестьянства, которое до 1591 года имело права свободного перехода, не было желания селиться в тех крайне опасных местах. Так что закон о прикреплении крестьян в Курском крае не имел почти никакого значения. Только в XVIII веке крестьяне стали стекаться в тамошние уезды (Танков, 1913).

В другом документе, в «Разборной книге детей боярских по городу Курску и Курскому уезду 1695 года» (ГАКО, ф. 1555, оп. 1, дело № 168, лист 419) указано, что сын Сергея Клёсова Кондрат (рожд. ок. 1655) «служит по Курску полковую рейтарскую службу из детей боярских вместо умершего рейтара брата своего Максима Клёсова», и только что, в 203 году (1795 г.), он вернулся в отпуск из Казикерменского похода, где служит в полку стольника и воеводы Ильи Михайловича Дмитриева Мамонова, и поместье его, Кондрата, 30 чет. В Книге указано, что по докладу Кондрата «впредь на службе Великих Государей будет он на коне, ружья у него государева каробин да пара

пистолей и то ружье к походу и к стрельбе в целости». И было тогда Кондрату 40 лет. Оклад ему был положен 200 чет и денег 7 рублей.

Брат Кондрата, Василий Сергеев сын Клёсов, по тому же документу (лист 678) доложил, что служит по Курску городовую службу с разбору с 187 года (1679 г.) с окладом 150 чет и денег 6 рублей, и поместье его в деревне Клёсовой Курского уезда Курицкого стану 17 чет.

Здесь упоминаются полковая и городская службы детей боярских. Эти понятия нуждаются в определении. В отличие от службы городской, гарнизонной, полковая служба была походной, боевой, в передвижном войске. Городовую службу дворяне и дети боярские несли в составе гарнизона в том городе, в каком были записаны и имели в уезде этого города поместье. Полковая служба была, понятно, более почетной.

Хотя и там были нюансы. По указу царя Федора Алексеевича в 1678 году надлежало всех дворян и детей боярских призывать на службу, поскольку пошли уклонения от сборов. У кого по переписи оказывалось в собственности менее 23 крестьянских дворов, того верстали в рейтары с жалованием 24 рубля в год, но с вычетом по рублю с каждого двора. Получалось, что при многих дворах из жалования ничего не оставалось. Рейтара служба кормит, да воинские трофеи. Видимо, по тому же соображению пусто-поместным (с дворами, но без крестьян) и беспоместным жалования вообще не было положено. А вот у кого было более 24 дворов крестьян, тем определялось служить полковую службу «с городом», в сотенной службе. Тем дворянам из этой категории, кто хотели быть рейтарами, «тех записывать и сказать, что Государь за это их позволяет, но без жалованья». Но это практически не относилось к курчанам, у которых крестьян, как правило, не было по причине их почти полного отсутствия в крае. Об этом уже упоминалось.

Таким образом, рейтарскую службу несли практически без денежного жалования. Но за саму выслугу рейтары наделялись поместьями, опять в зависимости от вида и продолжительности службы. В любом случае, в рейтарских, драгунских и других полках дворяне и дети боярские занимали обычно должности «начальных людей», то есть начальников, командиров.

Временами, в периоды обострения активности военно-боевой службы, число доступных для несения службы дворян и детей боярских настолько уменьшалось, что привлекали и нестроевых. Во второй половине XVII века по Царской грамоте Курский воевода получил разрешение посылать на заставы отставных дворян и детей боярских, то есть вышедших из состава военно-служилого сословия по старости или болезням (Танков, 1913). И это были не единичные случаи.

То, что дворянам непременно надо было служить, определялось и царским указом 1677 года. По нему дворяне и дети боярские, которые записаны с городом, но не служили, не могли быть произведены в выборные дворяне – высшей категории дворянства в то время. Кстати, помимо городских и выборных дворян, еще были дворовые дворяне. В разряд дворовых дворян зачислялись городовые дворяне за проявленные доблести и заслуги.

Надо сказать, что военная служба в Курском крае, которая называлась «служба кровию и смертию», таковой и была. Из-за непрерывной военно-боевой службы число погибших и раненых дворян и детей боярских было настолько велико, что привлечение нового пополнения проводилось жестко. В документах конца XVI века говорится о силах «Турского, и Крымского, и Нагай, и Литовского короля, с ним же совокупишася ярим образом Полша, Угры, Немцы Лифлянские и другие Свейские». Удары этих сил обрушивались обычно на юго-западную со стороны Москвы часть государства, а именно на Курский, Рыльский, Путивльский уезды. Из Дикого Поля постоянно набегали татары, часто уводя в полон людей сотнями. Города и поместья подвергались жестокому

разорению. Это держало дворян и детей боярских в постоянной разведочной и сторожевой службе.

Как пишет А.А. Танков (1913), «польские отряды во время нападений и войн захватывали, главным образом, военных людей, тогда как татары по преимуществу влекли в плен из поместий, вотчин, сел и деревень беззащитных людей и томили их в плену, откуда возвращались далеко не все и не всегда. Увод в татарскую неволю сопровождал каждое нападение татар, ногаев и других хищных степняков».

Поражают громадные расстояния, которые должны были преодолевать регулярные сторожевые разъезды местных дворян, детей боярских и казаков в обширных степных окраинах Московского государства. В боярском приговоре 1571 года было сказано: «А посылати на Донецкия сторожи детей боярских... А служити с поместий и посадских земель, да с денежнаго жалования». Сторожевые разъезды отстояли друг от друга на полдня, на день, а порой и на два и три дня конного пути. Тем не менее, между ними была постоянная связь. В донецкой степи, например, было семь сторож (застав), причем ближайшая от Рыльска и Путивля отстояла на четыре дня конного пути, более 300 верст по лесам, болотам, степям. Последняя, седьмая, отстояла от Рыльска и Путивля на 430-450 верст. И все это – в пределах татарских кочевий. Для доставки вестей бывшие на сторожах дети боярские должны были проскакать эти громадные протяжения, да еще часто по территории неприятеля. Так что сторожевая служба считалась исключительно трудной и опасной. Места те политы кровью дворян и детей боярских. Как пишет А.А. Танков, цитируя старые источники, «не столь часты деревья в лесу, как татарские кони в поле, их можно уподобить туче, которая появляется на горизонте и, приближаясь, более и более увеличивается. Вид их легионов наведет ужас на воина самого храброго. У каждого татарина имеется еще по две запасных лошади... в случае преследования татарин, несясь во весь опор, перескакивает с усталого коня на заводного, прежний конь начинает скакать с правой стороны своего хозяина, чтобы тот, в случае нужды, мог снова перескочить на него».

Вот с такой грозной силой и боролись ополчения дворян и детей боярских Курского края. Среди них были дети боярские Иван Клёсов и его сын Кирей, и сын Кирея Сергей, и сын Сергея Кондрат, и братья Кондрата Василий и Максим, и сын Кондрата Афанасий Клёсов. А также братья Кирея Савва и Лука Клёсовы, сын Саввы Остахей (сын боярский, призывы на службу в 1626 г. (РГАДА [1]), 1636 г. (РГАДА [2]), 1639 г. (РГАДА [3]) и 1645 г. (РГАДА [4]), сын Остахея Иван (рейтар, призыв 1675 г. (РГАДА [5]), сын Ивана Михаил (рейтар, призыв 1697 г. (РГАДА [6]), сын Луки Антон (сын боярский, призыв 1639 г. (РГАДА [7]) и 1645 г. (РГАДА [8]), сын Кирея Прокофий (рейтар, призыв 1675 г. (РГАДА [9]) и 1682 г. (РГАДА [10]), сын Прокофия Иван (рейтар, призыв 1697 г. (РГАДА [11]), брат Ивана Антип (городовой службы, призыв 1697 г. (РГАДА [12])). И помимо них, и вместе с ними Иов Клёсов и сын его Самойла (рейтар, призыв 1697 г. (РГАДА [13]), Дементий Клёсов и сын его Афанасий (сын боярский, призыв 1630 г. (РГАДА [14]), сын Афанасия Павел (рейтар, призыв 1675 г. (РГАДА [15]), сын Павла Потап (копейщик, призыв 1697 г., (РГАДА [16]), Карп Клёсов и сын его Леон (рейтар, призыв 1697 г. (РГАДА [17]), брат Леона Михаил (городовой службы, призыв 1697 г. (РГАДА [18]), еще один Леон Клёсов и сын его Степан (того же призыва 1697 г., рейтар (РГАДА [19]), Тимофей Клёсов и сын его Савва (сын боярский, призыв 1645 г. (РГАДА [20]), Кирилл Клёсов и сын его Трофим (городовой службы, призыв 1697 г. (РГАДА [21]), и Захар Клёсов, пушкар, призыв 1645 г. (РГАДА [22])). Все тридцать два Клёсовых – курские. Курчены, как тогда говорили.

Времена те для жизни в Курском крае были опасные. В переписных полоняничных книгах того времени шли бесконечные записи о татарских набегах на города, деревни и поместья и уводе ими пленников. Напомню, что поместье Ивана Клёсова было образовано в 1639 году. Через пять лет, в 1646 году на Курский уезд произошел круп-

ный набег татар. Как пишет А. Танков, «из списка полоняников видно, что из 34 дворянских поместий Курского уезда были схвачены дворяне – старики и малолетние, дворянки – женщины и девушки, таким образом, 34 дворянских семейства были повлечены татарами в тяжкое рабство. За ними вели крестьян с их семействами... Тридцать четыре поместья было разорено и дымилось в развалинах... Азиатские хищники, возбужденные своею хищническою удачей в Курском уезде, не спешили оставлять пределов Курского края, а двинулись своей ордой в Рыльский уезд. Здесь вначале они действовали успешно, но потом храбрый отряд рыльских ратных людей в жаркой битве с татарами отбил у кочевников Курчан детей боярских и их жен и детей, мальчиков и девушек, и крестьян с семействами их, всего – 439 человек». И далее – «недаром у каждого дворянина и сына боярского, у всякого помещика все его доспехи и вооружение висело на стене у его кровати».

Цитируем опять А.Танкова (1913): «В 1680 году в Курско-Белгородском крае совершился страшный по своим кровавым последствиям татарский погром, более всего отразившийся на местном дворянском военно-служилом сословии и в значительной степени захвативший огнем, мечем и пленом лиц и других сословий... В Белгороде и в Белгородском уезде было побито, сгорело и в полон взято татарами 471 человек мужчин и 368 женщин... Большинство погибших страшной смертью и попавших в тяжкую неволю были дворяне и дети боярские с женами и детьми и другие ратные люди. Бросившись на дворянские поместья, татары избивали там беззащитных детей в возрасте от 15-ти лет до грудных младенцев. Всего пострадало детей 294 человека, в пламени погибло 28 мальчиков, от четырех лет до полугода, и 42 девочки». «Всего же за один 1680-й год (татарами) было взято, побито и пожжено всяких чинов людей, жен и детей 3 258 человек, да у них же взято 24 193 головы скота, 4 828 ульев с пчелами, сожжено 4 церкви, 688 дворов, 4 мельницы, 8 хуторов».

Опустошив уезд, татары или ногайцы удалялись в степи на 30 или 40 верст от границы, останавливались в безопасном месте, отдыхали, собирали и делили между собою добычу, состоявшую из пленных и домашнего скота. Профессор Д.И. Багaley (1886) пишет: «И бесчеловечное сердце тронется при прощании мужа с женою, матери с дочерью, навсегда разлучаемых тяжкою неволюю, а зверские мусульмане бесчестят жен и девиц в глазах мужей и отцов, обрезают детей в присутствии родителей, одним словом совершают тысячи неистовств. Крики и песни буйных татар, стоны и вопли несчастных Русских приведут в трепет и жестокую душу. Пленники отвозятся в Крым, Константинополь, Анатолию (Малую Азию) и другие страны. Поделив пленных, татары уводят их в улусы и продают в рабство».

«Недаром также по селениям Белгородско-Курского края при появлении в известной местности татар, население ее кричало «Татары идут, смерть наша идет!» Танков был вопль отчаяния мирного населения. Ратные же люди на конях – дворяне и дети боярские впереди всех, должны были немедленно – во всякое время дня и ночи схватываться с татарами и биться до последней капли крови. Обстоятельства жизни и быта Курского края в XVI и XVII веках были таковы, что изо всех ратных людей стоять на первом месте приходилось дворянам и детям боярским, кроме того они были начальными людьми и над отрядами драгун, рейтар, казаков и проч.» (Танков, 1913).

С этим и были связаны походы, в которые ходили внук Ивана Сергей и правнук Кондрат Клёсовы. Что это были за походы в полку Ромодановского в 1674-1675 гг., и что за Казикерменский поход в полку Мамонова в 1694-1695 гг.?

Походы Чигиринский, Азовский и Казикерменский

Походы с Ромодановским были частью операций, предпринятых царем Алексеем Михайловичем перед концом своего царствования, для утверждения за Россией

правобережных территорий Малороссии. Левобережная сторона Днепра (со стороны России) была воссоединена с Россией еще после Переяславской Рады, в 1654 году. А правобережная оставалась под сильным влиянием турок. Гетманом на обеих сторонах Днепра, то есть единым гетманом Украины в 1674 году был признан Самойлович, но Дорошенко, прежний гетман Западной Украины, резиденция которого была в Чигирине, на правой стороне Днепра, не признавал Самойловича, и маневрировал между запорожскими и донскими козаками и Москвой. В то же время он заигрывал с турецким султаном, и по полученным сведениям, в ходе переговоров с московским представителем послал за подмогой к орде в Крым.

Самойлович слал депеши к царю про Дорошенко – «Не только к пашам, но к самому султану и хану знатных людей посылает, также и к полякам. ...На эту сторону он никогда не переедет и старшинства с себя не сложит, того у него и в помышлении не было, нет и не будет... он из этого смех строит и между малороссийским народом разные всевает небывалые слова». Самойлович просил указа идти на Дорошенка, пока не пришли к нему турки и татары на помощь (Соловьев, 1959–1966). Князь Г.Г. Ромодановский с войсками двинулся на Чигирин и осадил его, и Дорошенко, не имея от турок известий, и понимая всю безнадежность своего положения, сдал Чигирин и сложил с себя гетманство. Это был так называемый первый, но далеко не последний поход русских войск и украинских казаков на Чигирин. Собственно, это положило начало серии русско-турецких войн, а точнее войн Османского государства и союзного с ним крымского ханства.

В продолжении этих войн и принял участие Кондрат Сергеев сын Клёсов. Казикерменский поход, который упоминается в Разборной книге детей боярских, был частью похода Петра I на Азов, так называемого «первого азовского похода 1695 года». Бомбардирскую роту вел *бомбардир Петр Алексеев*, он же *bombardir Piter*. Все лето царь Петр с 35-тысячным войском «добывал» турецкую крепость Азов, забросав ее тысячами бомб, но так и не взял, и осенью вынужден был отступить. Из всех воинских успехов были взяты только две каланчи. С этой воинской неудачи и началось царствование Петра Великого.

Тем временем отряд курян, среди которых был рейтар Кондрат Клёсов, под началом курского воеводы Ильи Михайловича Дмитриева-Мамонова в конце июля того же года взял турецкую крепость Казикермен в низовье Днепра. В штурме крепости принимали участие также гетман Иван Мазепа во главе казацкого войска, и боярин Б.П. Шереметев со вспомогательным московским конным и пешим войском. Обстрел крепости продолжался пять дней «неусыпно денно и ночью из пушек и мелкого оружия, бросаемый из мортир бомбы», по описаниям казацкого летописца Самийла Величка. По его же описаниям, «одного вечера в Казикермен было заброшено несколько десятков бомб и малых гранат, стреляли из всех обозов. Как будто от молнии, все было освещено в тот темный вечер». В итоге через подкоп стена была сломана, и объединенные войска ворвались в крепость. Рукопашный бой длился пять часов, и в итоге Казикермен капитулировал. Из двух соседних турецких крепостей, Аслам-кермена и Муберек-кермена, гарнизон бежал в Крым, бросив большие пушки. За эту операцию Мазепа был награжден орденом св. Андрея Первозванного.

Однодворцы

В начале 18-го века передовые аванпосты служилых людей продвинулись к Донцу и Осколу, границы государства российского стали уходить южнее и западнее, и для военно-служилых людей Курского края настало некоторое послабление. Дворянам и детям боярским было разрешено уходить в отставку и садиться на свою землю, в поместья. Говоря по-современному, становиться фермерами. Если раньше поместья дава-

ли только во временное пользование, на время воинской службы, то постепенно указ за указом ограничения снимались, права на владение поместьем стали переходить к прямым наследникам, к женам с детьми, потом к вдовам, и даже боковым родственникам. Когда у служилого человека «поспевали сыновья в службу», то они или «припускались» к отцу в поместье, или жаловались поместьем в отвод от отца. В итоге, когда с поместьями и их наследием наладилась относительная стабильность, оказалось, что многие дворяне и дети боярские не хотят всю жизнь таскать на боку саблю и призываться в войска до самой старости и смерти, и они стали переходить в помещики и прочие землевладельцы мирного времени.

Так стало образовываться сословие однодворцев, или испомещенных служилых людей и их детей. Как отмечает А.А. Танков, в XVIII веке в сословие однодворцев перешли многие дворяне, желая освободиться от службы. В XIX веке им дано было право доказывать свое дворянство и, доказав, выслуживать его обратно военной службой. Но многим фермерство было больше по душе.

Об этом же пишет и К.П. Победоносцев в своем «Курсе гражданского права» (1896): «В состав их (однодворцев) поступили впоследствии некоторые старинные дворянские роды, сделавшиеся мелкопоместными, а при Петре I иные дворяне, уклонившиеся от нового порядка службы, имевшие по 100 и по 200 дворов крестьян, тоже записались в однодворцы».

Во многих случаях, впрочем, переход в однодворцы был вынужденным. Реформы Петра привели к значительному сокращению служилого сословия, в первую очередь, городских служилых дворян и детей боярских. Им оставалось либо бороться за оставление в войсках, либо переходить на канцелярскую службу, либо – в поместье, на свою землю. Многие в такой ситуации выбрали третье.

В целом, по прошествии некоторого времени и ряда указов правительства, сформировалось сословие однодворцев, которые заняли промежуточное положение между мелкопоместным дворянством и крестьянством. Их так и называли во многих документах – вольные крестьяне, в отличие от крестьян барских, помещичьих, а также крестьян удельных (дворцовых), монастырских, экономических (церковных). Фактически – фермеры.

Большинство детей боярских не имели крестьян, и после ухода в поместья стали заниматься сельским хозяйством сами, семьей, иногда привлекая наемных работников. Тем не менее, указ от 1631 года определял нормы крестьянских дворов на поместье. В Курском крае эта норма составляла на четверть по восьми дворов крестьянских и по четыре двора бобыльских (безземельные крестьяне, а также торговые и мастеровые, ремесленные люди, позже – «дворовые люди»). Но если раньше поместья были «белой землей», с которой вместо оброка арендатор или владелец нес личную военную государственную службу, то теперь, после ухода в отставку на землю, с нее надо было платить денежный налог. Кстати, землепашеством однодворцы занимались мало, вспахивая и засеивая только 10-15% своей земли. В основном, они занимались другими отраслями сельского хозяйства, например, садоводством, пчеловодством («бортные ухажеи»), хмелеводством, птицеводством, рыболовством, овцеводством, свиноводством, коневодством.

Административной единицей, с которой платились налоги в государственную казну, являлся двор. Первоначальный двор – это было то самое поместье, выданное в качестве вознаграждения за службу, и в которое «подпускались» дети и ближайшие родственники. Поэтому поместья делились на «дворы» по ходу разрастания семейства. Семьи во дворах жили часто большие – дед с женой, их дети с женами и внуками, порой и правнуки. Мужчины, на которых лежало хозяйство, и назывались однодворцами, их жены – однодворки. Ревизские сказки, в форме которых производилась перепись однодворцев, так и записывали однодворцев – по дворам. Таких «ревизий» между 1720-ми и

1858 годом было десять, хотя были еще более ранние, предревизии, или ландратские переписи.

Примером такого большого двора был первый двор в деревне Клёсовой по 1-й ревизии Курецкого стана 1710 года – хотя фактически сама ревизия была в 1719-1722 гг. (ГАКО, ф. 184, оп. 4, дело № 12, лист 177), шедший по категории «Однодворцы, рейтары». Сейчас социологи такой двор называли бы «кластерным». Во дворе записаны Афанасий Кондратьев сын Клёсов (внук Сергея, сына боярского), 35 лет от роду, его жена, семилетний сын и годовалая дочь, два племянника возрастом 16 и 18 лет, жена старшего племянника и их 6-месячная дочь. Восемь однодворцев на одном дворе. В соседнем дворе жил второй внук Сергея Клёсова, 50-летний Еремей Васильев сын Клёсов с семейством, в третьем дворе брат Еремея 40-летний Иван с семейством, в четвертом дворе их брат 30-летний Григорий с семейством, в пятом вдова их брата Матвея с семейством, и так далее. Всего дворов в деревне в то время было 12, и жили в них 35 «однодворческих душ».

В 1744 году вторая ревизия показала, что в деревне Клёсовой живут уже 70 человек – 69 однодворцев и один наёмный крестьянин. К началу XX века неполная родословная Клёсовых насчитывала 176 человек, а до наших с женой двух внуков сейчас насчитывает 16 поколений. А всего потомков Ивана Клёсова с 16 века уже и не сосчитать. Должны быть многие сотни. Хотя Гражданская война и Великая Отечественная их количество резко поубавили – непосредственно и опосредованно.

Не надо думать, что эти дворы следовали вплотную друг за другом. Никакой тесноты не было, во всяком случае, поначалу. Триста четвертей, 180 гектаров (в случае поместья Клёсовых) – это большая территория. 250 современных футбольных полей. Поэтому дворы располагались по разным сторонам реки, в разных краях поместья. Или как удобнее соседям-родственникам. Да и тем, у кого было 20 четвертей, семнадцать футбольных полей – места тоже было достаточно. Со временем, конечно, шло умножение дворов и их соответствующее дробление. Дети обычно делили землю отца поровну, исключения были связаны с гибелью детей или уходом их на службу и при переездах. То есть в однодворческих деревнях были все признаки родовой общины. Такие общины были крайне замкнутыми, посторонние допускались на землю крайне редко. Редкими посторонними были зятья. Редкими они были потому, что дочери обычно уходили к мужу в его деревню, как правило, такую же однодворческую, и часто носящую название по фамилии ее жителей. Зятья редко приходили во двор к дочери, поскольку сестра при братьях своей доли обычно не получала. Разве что когда дочь – единственная наследница. И то – нечего зятю здесь делать, земля выслуженная, жалованная, и в местном приказе за предком и потомками записанная.

Родословная Клёсовых изобилует примерами ухода дочерей в такие однодворческие деревни, и прихода из таких же.

Ревизская сказка 1763 года: 1) Парамон Афанасьевич (1713 г.р.), жена Екатерина, взята Курского уезду из деревни Анахиной дочь однодворца Анахина. 2) Матвей Парамонович (1740 г.р.), жена Акилина, взята из деревни Якшино дочь однодворца Якшина.

Ревизская сказка 1782 года: 1) Григорий Парамонович (1748 г.р.), жена Устьяня, взята Фатежской округи деревни Шуклиной дочь однодворца Анисима Шуклина. 2) Дочь Парамона Афанасьевича Василиса (1761 г.р.), выдана в замужество Курской округи в деревню Перкову за однодворца Акима Перкова. 3) Авдей Яковлевич (1740 г.р.), жена Мавра, взята Льговской округи деревни Полячковой дочь однодворца Ивана Полячкова. 4) Евпат Лукьянович (1734 г.р.), жена Екатерина, взята Курской округи деревни Умрихиной дочь однодворца Степана Умрихина.

Ну, и так далее. Бывают и забавные варианты. Запись в церковной книге: «О браком сочетавшихся. Жених – Дмитриевского уезда деревни Клёсовой Тимофей Фео-

доров Клёсов, православного вероисповедания, 19 лет. Невеста – той же деревни Елена Яковлева Клёсова, православного вероисповедания, 17 лет. Поручители по жениху – деревни Клёсовой Сергей Амвросиев Клёсов и Кондрат Феодоров Клёсов; по невесте – той же деревни Тимофей Захариев Клёсов и деревни Яковлевой Сидор Петров Яковлев».

Другая запись: «Жених – Дмитриевского уезда деревни Клёсовой Иван Феодоров Клёсов, православного вероисповедания, 26 лет. Невеста – той же деревни Татьяна Иванова Клёсова, православного вероисповедания, 19 лет. Поручители по жениху – деревни Клёсовой Власий Архипов Клёсов и Кондрат Феодоров Клёсов; по невесте – той же деревни Стефан Семионов Клёсов и деревни Пыхтиной Льговского уезда Стефан Иванов Пыхтин».

И таких – немало. Но это уже XIX век, род разбежался по ветвям.

Земля, полученная в поместье, путем испомещения служивых людей, называлась четвертной, а право владеть этой землей называлось четвертным правом. «Позятьевщина», когда «приставший на наследницу» зять-чужеродец входил в четвертную общину, обычно не давала формального четвертного права, и формальными земельными актами не оформлялась. Крепостных крестьян среди них, конечно, не было, поскольку не пойдет свободная однодворка за барского крепостного. Поэтому женихи и невесты были сплошь однодворческие, из своего круга. Н.А. Благовещенский (1899) отмечает, что однодворцам было присуще «страшное чванство своим происхождением и высокомерная родовая нетерпимость к низшим сословиям». И далее – «многие из них были дворяне и притом истинно родовитые», но попали в подушный оклад за нежелание служить.

И вот здесь перейдем к подушному окладу, и вообще к судьбе однодворческого сословия в России. Она, эта судьба, является результатом нескольких характерных российских процессов – исчезновение заметной части дворянства с перетеканием дворян в фермерство, в крестьянство, вытеснение патриархального уклада более мобильным, агрессивным, «безродным», и, как база всего этого – безжалостная роль государственной машины в перемалывании уклада российской жизни, что в итоге и привело к падению государства Российского.

Об этом же можно сказать и другими словами – всё перечисленное отражало объективный процесс «индустриализации» и, в частности, развития земледельческой промышленности России, начиная с Петра I – процесс, который Россия с ее укладом не выдержала.

Пошло это ускоренным порядком, начиная с реорганизации Петром русской армии. Прежние смотры, разряды, разборы, ревностное сохранение «чистоты» военной структуры и забота о служилых людях путем их испомещения, раздачи поместий, заменились унифицированными постоянными войсками и способом их содержания. Вместо внимательного отбора тех, кто «конен и оружен», и содержания служилых в большой степени за их же счет, пошел работать армейский конвейер, который полностью оплачивался казной – и коней, и оружие, и обмундирование, и провиант, и все остальное. Страна разделилась на две части – на тех, кто служил и воевал, и тех, кто армию содержал. Содержал, естественно, за счет налогов, податей, оброка, тягла. Россия с ее патриархальным укладом для этого не годилась. Страна напряглась. Для такого резкого поворота в общественных отношениях и были нужны реформы Петра I.

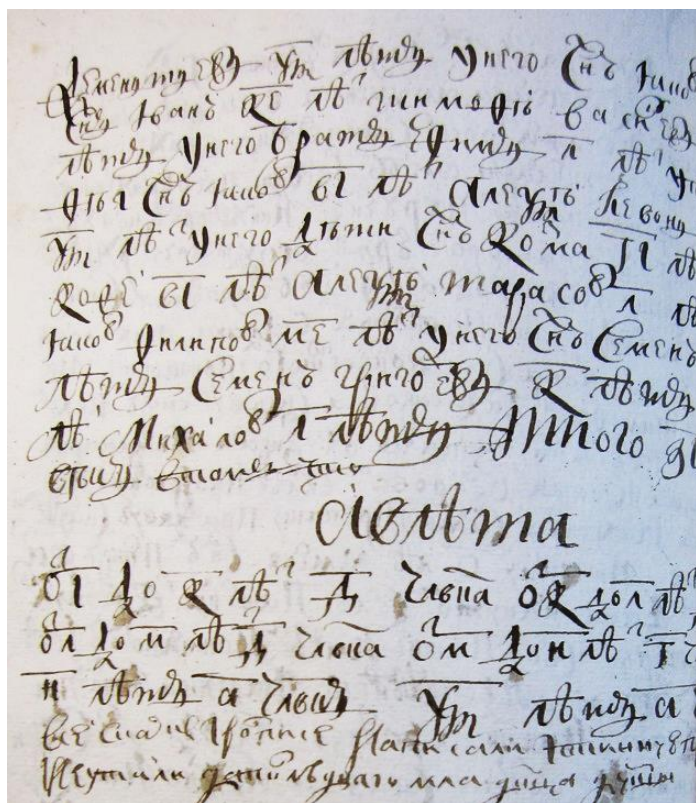
Лозунг Петра «в России никто землями даром не владеет» на деле означал сильное «изобречение», налогообложение земли в частной собственности. И в этом смысле однодворцы как сословие – это, по сути, творение Петра I. Напомню, что поначалу однодворцы были в основном дворяне и дети боярские, набравшиеся «по отечеству», оставившие службу и занявшиеся сельским хозяйством. В рамках задачи по «индустриализации» страны это сословие за 100-150 лет было безжалостно унифицировано и ли-

шено прежних прав. Сначала к ним, однодворцам, присоединились и представители более низкого разряда служилых людей, набравшиеся «по прибору» – пушкарки, копейщики, затынщики, казаки, получавшие значительно меньшие земельные наделы, как правило, не больше 10-25 чет. Далее рядом указов было достигнуто внутреннее перемешивание этого сословия, перевод его с четвертного права на подушное, и в итоге формальное превращение в крестьянство – «казенное», и потом «государственное».

Никто, конечно, в правительстве такой план специально не вынашивал. Это происходило само собой, и подстегивалось очередными указами, как часть движения России по пути экономического развития.

Пролистывая содержание однодворческих «ревизских сказок», от первой, в 1710-1724 годах, до десятой, в 1858-ом, мысленно отмечаю вехи в уничтожении прежнего уклада жизни детей боярских, севших на свою выслуженную, заслуженную землю, в свои поместья.

1-я ревизия, все Клесовы, все 12 дворов, отмечены как «однодворцы, рейтары», или «однодворцы, городовые» (ГАКО, ф. 184, оп. 4, дело № 12, лл. 177-179). Других не было. Городовые – значит, вышли в отставку со службы, прикрепленные по городу, как описано выше. Оклад со двора, то есть подворный налог, с рейтар-однодворцев тогда брали тридцать алтын, то есть 90 копеек, с однодворцев-городовых – два рубля со двора. Через год, в 1711-ом, указом Петра I однодворцев формально отнесут к отдельному сословию, то есть группе подданных, которые по делам своей общественной деятельности имеют юридическое право и возможность совещаться (со-словие). Как пишет Н.А. Благовещенский, по последующему указу от 14 мая 1723 года «в новое сословие однодворцев вошли все прежних служб служилые люди, не исключая и городовых дворян».

Так выглядела ревизская сказка
I ревизии.

Одновременно с тем для однодворцев была учреждена дополнительная подушная подать «по четыре гривны с души», которая получила позже название «оброчной подати». Это было добавлено к подворной и подушной подати, и суммарный налог составил в среднем рубль и 10 копеек с души. По тем временам – большие деньги. И далее Н.А. Благовещенский (1899) пишет: «Вся сила этого нового установления заключалась в том, что вольные люди, прежних служб служилые, были приравнены к крестьянам; земли их, некогда данные за прямую службу и ради этой службы, были изоброчены, сделались тяглыми землями».

Наконец, сверх всего, указом Петра от 1724 года однодворцы были прикреплены к земле, которую они не имели права ни продавать, ни покидать, и была введена круговая порука на однодворческую общину. Иначе говоря, если одно-

дворцы уезжают, покидают общину, то оставшиеся выплачивают за них все подушные налоги. Казне нужны были деньги.

Нечего и говорить, что такие меры не приводили к повышению духа однодворцев. Они видели в них откровенное ущемление своих прав. Вообще реформы Петра прошлись катком по земельным отношениям в России. Правда, в то же время они способствовали созданию однодворческих общин.

2-я ревизия, 1744 год. Почти двадцать лет прошло после Петра I, страной правит его дочь Елизавета Петровна. Россия в целом справилась с последствиями петровского финансового кризиса, наступила относительная стабильность. Дальнейшее закрепощение помещичьих крестьян и запрещение поступать им по своей воле на военную службу (указ от 1742 года) моих однодворцев не коснулось, поскольку у них таких крестьян не было. Точнее, по ревизии в дополнение к 69 однодворцам деревни Клёсовой был один крестьянин (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 15, л. 427). Работали Клёсовы сами.

Между тем, со времени первой ревизии в отношении однодворцев произошло важное новшество – «по распоряжению правительства, в 1712 году все однодворцы, не поступившие в регулярную службу, написаны в одну статью, а в 1724 году причислены к государственным крестьянам» (Победоносцев, 1896). Государственные крестьяне – потому, что платят налоги в государственную казну. Именно поэтому их еще называли казенными крестьянами. В.И. Даль в своем «Толковом словаре» приводит старую поговорку – «Казенный крестьянин живет, как бог велит, а барский, как барин рассудит». Вот так и происходил переток отставных дворян и детей боярских в крестьянство. И переток был довольно массовый.

3-я ревизия, 1763 год. Год назад на престол взошла Екатерина II, которую позже назовут Великой. Через три года, 14 декабря 1766 года, она издала манифест, которым представители разных сословий призывались в особую комиссию «не только для того, чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места», но и «для заготовления проекта нового уложения». 30 июля следующего, 1767 года была созвана «Комиссия для сочинения проекта для нового уложения» из 565 депутатов всех сословий, кроме крепостных крестьян. В Комиссию вошли представители поместного дворянства, чиновники, однодворцы, представители казачества и прочие сельские обыватели.

Наказ однодворцев в Комиссию напоминал, что «после прапрадедов и прадедов наших деда и отцы наши, разных служб – рейтары, копейщики, козаки, пушкари и протчие разного чина люди, в том числе кои служили предкам вашего императорского величества дворянскую службу... жалованы за те службы вотчинами и поместными землями... и по усмотрению главных генералитетов... выбраны в гвардию в лейб-компанию и произведены в штап- и обер-офицерские ранги». Далее Наказ сообщал, что на тех, кто ушел в отставку, не было «всякого на них положенного подушного платежа». И затем идет жалоба – «И яко тех бедных за кокие винности и преступления положены в подушный оклад?» Среди последующих жалоб имеется и та, что раньше «имелось с нас окладу по 1 рублю и 10 копеек, а с 1764 года взыскивается по 1 рублю 70 копеек, чего мы... только себе почитаем во отягощение... уже многим и пропитания иметь не от чего» (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 10а, лл. 373-377).

Другой наказ сообщает – «из находящихся разного звания чинов людей прежних служб, верстанных немалыми землями и денежными окладами, а протчие жалованы, вместо хлебного и денежного жалования, землями. И многие в ряд с дворяне написаны, как значит и по разрядном архиве, кои вышли до 1 переписи... И таковых однодворцев, которые действительно о своем дворянстве могут доказать, не повелено ль будет из окладу выключить и причислить во дворянство» (РГАДА, ф. 342, оп. 1, д. 109, ч. X, лл. 479-482).

В целом, указы и выступления депутатов были довольно смелыми и конструктивными. Екатерина II осталась недовольна комиссией и ее закрыла.

4-я ревизия, 1782 год. Продолжается правление Екатерины II, и будет продолжаться еще четырнадцать лет. Из молодых однодворцев стали активно брать в рекруты. Обычно в деревню приходила разнарядка, и община решала, кому идти в рекруты. Из рекрутов в деревню возвращались редко, и община судьбы рекрутов, видимо, и не знала. Годов смерти рекрутов в ревизиях нет, в отличие от прочих однодворцев. По 4-й ревизии из деревни Клёсовой в рекруты забрали Фому Клёсова (1770, в 22 года), Лонгвина Клёсова (1770, в 26 лет), Харитона Клёсова (1775, в 26 лет, вернулся отставным гренадером через десять лет), Григория Клёсова (1778, в 33 года). По итогам переписи в деревне 56 однодворцев и 56 однодворок (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 139, лл. 228-232).

5-я ревизия, 1795 год. Завершается правление Екатерины Великой. Царица умрет 6 ноября следующего, 1796 года, а уже 10 ноября император Павел I, только взойдя на трон, отменит рекрутский набор. Но за 13 лет, с 4-й ревизии, в рекруты из деревни Клёсовой забирали, причем значительно в более молодые годы, чем раньше: Петр Клёсов (1782, в 16 лет), Ефим Клёсов (1790, в 18 лет). По итогам переписи в деревне 53 однодворца и 51 однодворка (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 216, лл. 1-7).

При Павле начнется переход от четвертного права к душевому. Это – болезненная часть истории однодворцев. Она связана с переделом земель. Дело в том, что выданные 100-200 лет назад дворянам и детям боярским поместья, в то время довольно обширные, а также относительно небольшие угодья для испомещения служилых людей более низких категорий заселялись и дробились неравномерно, что вполне естественно. Возник сильный разбой в размере наделов на однодворческую душу. При императоре Павле было решено переходить от четвертного, наследственного принципа, к подушному, и перераспределить землю по 15 десятинам (10 четвертей в поле, а в дву потому ж) на человека, точнее, на «ревизскую душу», или 60 десятин на двор. Оказалось, что столько земли просто нет. Тогда было решено там, где земля есть, выдать по 15 десятин, а где ее столько нет – по 8 десятин (5-1/3 четвертей) на ревизскую душу. Но в любом случае малоземельным это было выгодно. Ведь служилые низких категорий зачастую испомещались только 25 четвертями, и с тех пор дробились так, что на человека приходилось буквально по четверти, а то и меньше, если не считать, конечно, самовольных захватов земель. По 15, и даже 8 десятин на душу было не сравнить с четвертным вариантом.

Естественно, малоземельные при переходе на душевой передел ликовали, а многоземельные были этим крайне напряжены. Павел I процарствовал всего пять лет, но его подушная реформа растянулась почти на целый век, доводя местами до физических столкновений между малоземельными и многоземельными крестьянами. Тем более однодворцы многих малоземельных, хотя и вольных крестьян, считали значительно более низкими по статусу. Среди них было много пришлых – «на наследницу-однодворку», пришедших на купленные земли, и прочих разночинцев и кулаков.

Возможно, поэтому в последующей, 6-й ревизии в 1811 году, число жителей в деревне Клёсовой уменьшилось – с 53 мужчин до 47, на 20 дворах (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 343, лл. 407-409). Два семейства, видимо, вспомнив военное прошлое предков, отбыли в 1810 году на строительство военных верфей в Херсон, одна семья отбыла в город Курск «на мещанство». Двоих все-таки забрали в рекруты – Лариона Клёсова (1806, в 20 лет) и Сафона Клёсова (1808, в 24 года). Возможно, ушли сами. Отечественную войну 1812 года они встретили уже, наверное, с немалым военным опытом, отслужив по несколько лет.

Кстати, двое Клёсовых, Лев Борисович и Александр Борисович, оба гвардии пятидесятные ротные начальники были отмечены за заслуги в Смоленском ополчении в войне 1812 года (Апухтин, 1912; Лесли, 1912; Смоленское дворянство, 2001). На нашем генеалогическом дереве их пока нет. Возможно, боковая ветвь.

7-я ревизия, 1816 год. Однодворцев в рекруты продолжают брать: Алексей Клёсов (1813, в 27 лет), Петр Клёсов (1813, в 27 лет), Яков Клёсов (1813, в 37 лет). По итогам переписи в деревне 49 однодворцев и 46 однодворок (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 487, лл. 199-201).

8-я ревизия, 1834 год. В середине между двумя ревизиями один двор переселился в Оренбургскую губернию, двоих забрали в рекруты. В остальном жизнь идет чередом, в деревне 57 однодворцев и 59 однодворок, хотя количество дворов резко понизилось – с двадцати в 1811 году до одиннадцати (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 720, лл. 222-227).

9-я ревизия, 1850 год. Похоже, что бурные события, происходящие в стране по переделу однодворческих земель – с четвертных на душевые – деревни Клёсовой не касаются. Все идет по-прежнему. Двое уходят в рекруты – Алексей Клёсов (1837, в 23 года, вернулся в деревню через двадцать лет отставным солдатом) и Андрей Клёсов (1844, в 21 год). В деревне 13 дворов, на два двора больше, чем в предыдущую ревизию, но прибавление в людях более заметное – уже 71 однодворцев и 72 однодворок (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 850, лл. 641-647). Вторую ревизию подряд число женщин в деревне больше, чем мужчин, пусть ненамного. По старым однодворческим приметам это означает трудности в хозяйстве, экономическое падение деревни.

Последняя, 10-я ревизия, 1858 год. В целом, все идет по-прежнему. Четверых отдали в рекруты – Фрол Клёсов (1854, в 21 год), Казьма Клёсов (1854, в 30 лет), Финоген Клёсов (1854, в 20 лет) и Поладий Клёсов (1855 год, в 19 лет). В деревне 14 дворов, 71 однодворец и 73 однодворки (ГАКО, ф. 184, оп. 2, дело № 1112, лл. 626-639). Как будто застыли однодворцы в своей неподвижности на 150 лет. На самом деле, такая неподвижность и была свойственна многоземельным однодворцам. Счастье однодворцев было именно в неподвижности. Это и был по своей сути патриархальный уклад жизни.

Еще одна особенность такой неподвижности – родовая замкнутость. «Приобретенную» землю нельзя было продавать, ее можно было уступать только ближайшему родству, и даже «позятьевщина», как отмечалось выше, была редкостью. Поэтому настоящие, многоземельные однодворческие деревни, в которых жили потомки дворян и детей боярских, обычно знали свои родословные, помнили не только кто от какого деда происходит, но и знали, кто с кем и в какой степени состоит в родстве. Малоземельные, тем более «перешедшие на ревизские души», со многими пришлыми, припускными и присудившимися, такого знания не имели. Как писал Н.А. Благовещенский, «эти воспоминания с точностью хранятся лишь детьми боярскими, никогда не забывавшими про свою родовитость и прежнюю службу дедов своих, в сборных же селениях не бывает преданий». Собственно, это и принималось за «чванство своим происхождением» родовитых однодворцев теми, кто своих предков и не помнили.

Для того чтобы завершить переход с четвертного права на душевое, правительство буквально выкручивало руки однодворцам. Н.А. Благовещенский (1899) приводит пример, как однодворцы в Орловской губернии не смогли представить «настоящих крепостей на землю» – да и кому, казалось, они нужны были через 200 лет после испомещения предков? Тогда сенат приказал разверстать землю по числу ревизских душ по 5-й ревизии, столетней давности. Все четвертные однодворцы «тотчас же перешли на души».

В итоге правительство взяло свое, душевой передел одержал верх, патриархальный быт нарушился, и однодворческая деревня стала разъезжаться. Мои прямые предки после серии засух снялись всем большим семейством и в 1898 году уехали в Сибирь, в Томскую губернию, а потом в Черепаново Новосибирской области. Там они опять отстроились, и зажили крепким хозяйством. А потом наступила революция. Моего прадеда, священника Ермолая Клёсова, отца большого семейства, расстреляли. Тогда не-

мало Клёсовых приговорили к высшей мере, без всякой связи одного с другим. Любили в те годы это дело. Вот далеко неполный список расстрелянных и сосланных Клёсовых:

Клёсов Федор Никанорович, 1872 г.р. Место рождения: Томская губ., русский. Место проживания: Змеиногорский р-н, с. Колывань. Арест: 28 сентября 1937. Осужд. 09.12.1937 тройка при УНКВД по Алтайскому краю, обвинение: по ст. 58-2, 8, 10, 11, расстрелян. 22 января 1938. Место расстрела: г. Барнаул. Реабилитирован в мае 1989 прокуратурой Алтайского края. Источник: Книга памяти Алтайского края.

Клёсов Иван Михайлович, 1905 г.р. Место рождения: Курская обл., Коньшевский р-н, с. Малахово, русский. Председатель колхоза. Арест: 3 марта 1937. Приговор: 3 года. Реабилитирован в сентябре 1989. Источник: Книга памяти Курской области.

Клёсов Петр Иванович, 1896 г.р. Место рождения: Ставропольский край, Изобильненский район, Ст. Каменобродской, русский. Проживание – по месту рождения. Арест: 10 марта 1932, расстрелян в январе 1933. Источник: Книга памяти Ставропольского края.

Клёсов Георгий Николаевич, 1881 г.р. Место рождения: Ставропольский край, Изобильненский район, Ст. Каменобродской, русский. Проживание – по месту рождения. Арест: 20 октября 1930, осужден 22 мая 1931, приговор – 10 лет ссылки в Северный край. Источник: Книга памяти Ставропольского края.

Клёсов Логвин Никанорович, 1883 г.р. Место рождения: Ставропольский край, Изобильненский р-н, Ст. Каменобродской, русский. Проживание – по месту рождения. Арест: 20 октября 1930, осужден 22 мая 1931, приговор – 10 лет ссылки в Северный край. Источник: Книга памяти Ставропольского края.

Клёсов Прокоп Федорович, 1875 г.р. Место рождения: Омская область, Колосавский р-н. Осужд. 8 августа 1931, приговор: спецпоселение в Томской области, умер в 1933. Источник: данные УВД Томской обл., дело 32772.

Клёсов Илья Михайлович, 1870 г.р. Место рождения: Ишимский район, д. Быково. Арест: 17 февраля 1938, осужден 4 марта 1938 тройка Омского УНКВД, расстрелян 12 марта 1938. Место расстрела: Омск. Реабилитирован в январе 1959 года. Источник: Книга памяти Тюменской обл.

Окрестности деревни Клесово

Дед мой по линии матери, Михаил Архипович Куць, с 17-ти лет воевал в Первой мировой войне, потом был командиром в Красной армии, в конце 1930-х годов осужден и отправлен в кратковременное заключение как скрытый родственник белогвардейца, и

разжалован из старших офицеров в рядовые. Рядовым же пошел на фронт Великой Отечественной, закончил войну старшиной, весь в орденах и медалях.

Брат матери, Николай Гончаров, офицер Белой армии, закончил Гражданскую войну отходом в боевых порядках из Крыма, потом, по слухам, жил в Париже. Сейчас разыскиваю его потомков.

Отец мой, Клёсов Алексей Иванович, 1923 года рождения, закончил военное летное училище в 1941 году, войну завершил в войсках военного сообщения со взятием Кёнигсберга в апреле 1945-го, служил в Инстербурге (потом Черняховск) Калининградской области, затем в Риге, потом на ракетно-космическом полигоне Капустин Яр, и смертельно больным направлен оттуда дослуживать в Сочи.

Брат Евгений тоже продолжил потомственное офицерство, служил в военных сообщениях всю выслугу лет в Тюмени и Кемерово, затем на Кавказе. Я вот в Бостоне. Дочь с детьми, нашими внуками – постоянно живет во Франции. Нормальная биография. В самом деле, зеркало государства Российского с переходом в нынешние времена.

ДНК-генеалогия Клёсовых

У меня – гаплогруппа R1a, восточно-карпатская ветвь. В Белграде я узнал, что моя фамилия происходит от старосербского «конный наездник», «кавалерист». Мой 67-маркерный гаплотип – следующий:

13 24 16 11 11 15 12 12 10 13 11 30 – 16 9 10 11 11 24 14 20 34 15 15 16 16 – 11 11 19 23
15 16 17 21 36 41 12 11 – 11 9 17 17 8 11 10 8 10 10 12 22 22 15 10 12 12 13 8 15 23 21 12
13 11 13 11 11 12 13

Каждое число здесь является характерным для моей ДНК (Y-хромосомы) и связано с такими же числами в ДНК моих прямых предков по мужской линии, за исключением тех, которые мутировали так, что число сдвинулось – обычно на одну единицу вниз или вверх. Чем древнее общий предок группы людей, тем больше таких мутаций. Иначе говоря, по числу мутаций можно рассчитать, когда жил общий предок группы людей.

Поэтому когда в апреле 2013 года мы устроили слет Клёсовых, предполагаемых потомков Ивана Клёсова, 1580 года рождения, собравшись в деревне Клесово Коньшевского района Курской области, то пришли к выводу, что было бы интересно проверить, а в самом ли деле мы родственники, или, напротив, случайные однофамильцы. И вообще, прошло 430 лет со времени жизни предполагаемого общего предка, и мало ли что могло с тех времен произойти...

Шансы были в пользу того, что большинство из нас – родственники, потомки Ивана Клёсова, или, может быть, более раннего или более позднего общего предка. Мои предки уехали из деревни Клесово в конце 19-го века. Александр родился в деревне Клесово в конце 1940-х годов, как и его два сына, Александр и Сергей. У остальных ближние или дальние предки были тоже из деревни Клесово. Впрочем, среди нас был Константин, отец которого был из Симферополя, а дед – неизвестно откуда, хотя по рассказам отца иногда приговаривал, что он – «курский соловей». Поэтому Константин надеялся, что он тоже наш. В общем, я на всех заказал ДНК-анализ в американской компании, оттуда пришли щеточки для того, чтобы поскрести ими за щекой и отправить обратно в США. Так и сделали. Для начала я заказал определение для каждого из Клёсовых, собравшихся на слет, 12-маркерного гаплотипа.

Результаты пришли довольно скоро, и оказалось, что у всех нас, кроме двух Клёсовых, 12-маркерные гаплотипы идентичны:

13 24 16 11 11 15 12 12 10 13 11 30

Это – так называемая первая панель маркеров на 67-маркерном гаплотипе, приведенном выше. Видно, что мои первые 12 маркеров точно такие же. Отрадно, что Константин, со своим дедом, «курским соловьем», оказался нашим родственником, обрел свою потерянную до этого родословную. 12-маркерный гаплотип у него точно такой же, как и у нас.

У одного Клёсова, Василия, гаплотип отклонился на одну мутацию (выделена):

13 **23** 16 11 11 15 12 12 10 13 11 30

Еще у одного Клёсова гаплотип оказался финно-угорским (или южно-балтийским, на 12 маркерах их надежно не различить), гаплогруппы N-M231:

14 24 14 11 11 13 11 12 10 14 14 30

Формально он отличается на 11 мутаций на 12 маркерах, и общий предок гаплогрупп R1a и N уходит вглубь на десятки тысячелетий. Но это количественное обсуждение здесь и не требуется, ясно, что кто-то из прибалтов (или уральцев) вытеснил предковый гаплотип Клёсовых, так сказать, в один ход, так что данный человек, хотя и носит фамилию Клёсовых, на самом деле относится совсем к другому роду. Ничего на самом деле в этом страшного нет, просто он уже не наш родственник.

Возвращаясь к гаплотипам Клёсовых гаплогруппы R1a, восточно-карпатской ветви, надо сказать, что на всех одной мутации мало, время жизни общего предка по одной мутации не посчитать, погрешность будет очень велика. Поэтому следующим шагом было выбрать одного Клёсова, помимо меня, определить для него 67-маркерный гаплотип, и сравнить с моим. Так и сделали. Гаплотип Александра, отца двух сыновей, оказался таким:

13 24 16 11 11 15 12 12 10 13 11 30 – 16 9 10 11 11 24 14 20 34 15 15 16 16 – 11 11 19 23
15 16 17 **20 37** 41 12 11 – 11 9 17 17 8 11 10 8 10 10 12 22 22 15 10 12 12 13 8 **14** 23 21
12 **12** 11 13 11 11 12 13

По сравнению с моим (повторяю его ниже) – в нем четыре мутации.

13 24 16 11 11 15 12 12 10 13 11 30 – 16 9 10 11 11 24 14 20 34 15 15 16 16 – 11 11 19 23
15 16 17 21 36 41 12 11 – 11 9 17 17 8 11 10 8 10 10 12 22 22 15 10 12 12 13 8 15 23 21 12
13 11 13 11 11 12 13

Для расчета времени жизни общего предка Александра и меня нужно число мутаций между нами разделить на константу скорости мутации 67-маркерного гаплотипа (0.12 мутаций на гаплотип на условное поколение в 25 лет), получить, что между нами – $4/0.12 = 33 \rightarrow 34$ условных поколений, то есть 850 лет, и полученное число разделить пополам. Получаем 425 лет до общего предка, то есть примерно 1588 год. Напомню, что по данным документальной генеалогии Иван Клёсов родился примерно в 1580 году. Здесь не нужно воспринимать полученное совпадение буквально, потому что надо учесть погрешности расчетов, но суть ясна – с хорошей вероятностью мы ведем родословную Клёсовых примерно с конца 16-го века. Потомки детей боярских.

Список использованной литературы

Апухтин В.Р. Народная военная сила. Дворянские ополчения в Отечественную войну 1812 г. Ч. 1. Опыт истории дворянских ополчений 1812-го г. М.: Печ. С. Яковлева, 1912. 238 с.

Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского Государства // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей россий-

ских при Московском университете. Кн. 4. М.: Университетская типография, 1886. С. 264-464.

Благовещенский Н.А. Четвертное право. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1899. 545 с. (<http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=254028>).

Карамзин Н.М. История Государства Российского от VI века до начала XVI века. М.: АСТ: Астрель, 2009. 318 с.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Полный курс 86 лекций. М.: Мысль, 1995. 774 с.

Купчинский И.А. Курск и куряне. Из истории Курска. М.: Тип. П. К. Прянишникова, 1906. 34 с.

Лесли И.П. Смоленское дворянское ополчение 1812 г. Смоленск: Изд. Смоленского дворянства, 1912. 120 с.

Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3-х частях. СПб.: Синодальная типография, 1896. 2224 с.

РГАДА, ф. 210, Десятня разборная курчанам, дело № 300, лист 21 [1]; ф. 210, Десятня разборная курчанам, дело № 215 [2]; ф. 1209, Отказные книги, оп. 188, дело № 15684, лист 376 [3]; ф. 210, Крестоприводная книга, Книги Белгородского стола, дело № 54, лист 1247 [4]; ф. 210, Сказки курчан о службе, поместьях и семье, Столбцы Белгородского стола, дело № 731, лист 388 [5]; ф. 210, Сказки курчан – детей боярских рейтарской службы и трубачей, Столбцы Белгородского стола, дело № 1491, лист 420 [6]; ф. 1209, Курская отказная книга, оп. 188, дело № 15684, лист 488 [7]; ф. 210, Крестоприводная книга, Книги Белгородского стола, дело № 54, лист 1258 [8]; ф. 210, Сказки курчан о службе, поместьях и семье, Столбцы Белгородского стола, дело № 731, лист 431 [9]; ф. 210, Крестоприводная книга, Дела разных городов, дело № 97, лист 747 [10]; ф. 210, Сказки курчан – детей боярских рейтарской службы и трубачей, Столбцы Белгородского стола, дело № 1491, лист 378 [11]; ф. 210, Сказки курчан городской службы, солдат, рейтар и копейщиков, Столбцы Белгородского стола, дело № 1559, лист 192 [12]; ф. 210, Сказки курчан – детей боярских рейтарской службы и трубачей, Столбцы Белгородского стола, дело № 1491, лист 379 [13]; ф. 210, Список детей боярских (1623-1638), Книги Московского стола, дело № 1070, ст. 1, лист 10 [14]; ф. 210, Сказки курчан о службе, поместьях и семье, Столбцы Белгородского стола, дело № 731, лист 604 [15]; ф. 210, Сказки курчан жильцов копейщиков и рейтар, Столбцы Белгородского стола, дело № 1569, лист 340 [16]; ф. 210, Сказки курчан – детей боярских рейтарской службы и трубачей, Столбцы Белгородского стола, дело № 1491, лист 377 [17]; ф. 210, Сказки курчан городской службы, солдат, рейтар и копейщиков, Столбцы Белгородского стола, дело № 1559, лист 193 [18]; ф. 210, Сказки курчан – детей боярских рейтарской службы и трубачей, Столбцы Белгородского стола, дело № 1491, лист 415 [19]; ф. 210, Крестоприводная книга, Книги Белгородского стола, дело № 54, лист 1282 [20]; ф. 210, Сказки курчан городской службы, солдат, рейтар и копейщиков, Столбцы Белгородского стола, дело № 1559, лист 190 [21]; ф. 210, Крестоприводная книга, Книги Белгородского стола, дело № 54, лист 1551 [22].

Смоленское дворянство. Вып. 5: Прошлое и настоящее. М.: Изд. Смоленского Дворянского Землячества, 2001. 67 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времён. М. Изд-во социально-экономической лит-ры, 1959–1966 гг.

Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. Т. 1. М.: Издание курского дворянства, 1913. 156 с.

Рецензент статьи: профессор, доктор биол. наук, ведущий научный сотрудник Ботанического сада УрО РАН Е.В. Колтунов.

Поздравляем Анатолия Алексеевича Клёсова!

Указом Главы Российского императорского дома Е.И.В. Великой Княгини Марии Владимировны Президент Академии ДНК-генеалогии А.А. Клёсов возведен в достоинство Кавалера императорского и царского ордена Святого Станислава, что означает получение дворянского титула.

Парадный вариант ордена.

Вариант ордена для повседневного ношения, естественно, в те времена.

На фотоверху: президент Академии ДНК-генеалогии, профессор А.А. Клёсов и член Академии Г.Н. Гришин.

С образа А.А. Клёсова создавалось изображение одного из «детей боярских» на скульптурной композиции вокруг памятника князю Владимиру на Боровицкой площади в Москве. В этом видится замечательная традиция преемственности поколений. Вот ссылка на работу А.А. Клёсова [про «детей боярских»](#), а заодно про то, какие возможности имеет ДНК-генеалогия. Фото под катом.

